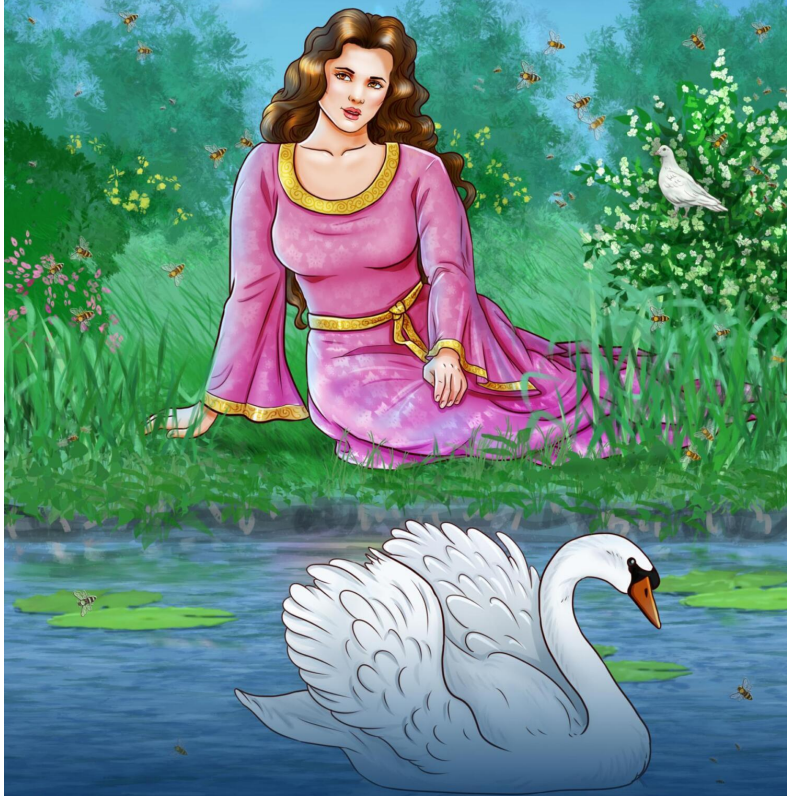

ДИАНА БУДКО

ЗАПАХ МЁДА И ЖАСМИНА

Диана Анатольевна Будко

Запах меда и жасмина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336654

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждой княжне положено быть прекрасной, иначе не получится жить долго и счастливо! Так гласят все сказки и легенды. Жасмин с детства смирилась со своей печальной участью: она родилась настоящим чудовищем и останется им на всю жизнь, если только не произойдет чудо... И оно произошло! Только теперь ей предстоит узнать, какова цена настоящей красоты?

Диана Будко

Запах меда и жасмина

В одной далекой стране жили-были князь и княгиня. Всё у них было ладно да гладко, только вот их единственная дочь, Жасмин, была настоящим чудовищем.

Помимо заурядных изъянов, с которыми они вполне могли справиться и смириться, будь то невеселый нрав, упрямство, чересчур быстрая, путаная и не всегда внятная речь, мелкие черты лица или чрезмерная полнота, был и тот, который окончательно портил девочке жизнь: все ее тело было покрыто, как чешуёй, отвратительной коростой, мучительно зудевшей и болевшей дни и ночи напролёт. Родители не жалели денег на лекарей, но ни один из них не смог помочь.

Желая как-то сгладить недостатки дочери, князь и княгиня нанимали для неё лучших учителей и одевали в самые элегантные наряды. Однако когда девочка стала чуть старше, она в один из дней, глядя на себя в зеркало, расплакалась: кому есть дело до знаний и тонкого вкуса чудовища?

Чтобы лишний раз не грустить Жасмин частенько сбегала из терема и долго бродила по улочкам или лесу, подкармливая бездомных зверей да беззаботных птиц. В её карманах всегда звенела мелочь: вдруг на пути встретится какой-нибудь нищий, пусть даже грязный и дурно пахнущий – пустяк в сравнении с её внешностью.

Шли годы. И вот в один не самый погожий денек Жасмин, которой минуло семнадцать лет, надумала изменить свою жизнь. Поразмыслив о том, что ей не суждено стать краше, она приняла решение с пользой употребить свои знания и испросила разрешение у родителей обучать ребятишек. «Уж если мне и знания свои таить, то от меня совсем ничего не останется. Красота-то совсем глубоко спрятана», – горько пошутила она в ответ на возражение, что негоже княжне быть нянькой.

Теперь каждый день на полянке в саду, окружавшем терем, она собирала вокруг себя крестьянских ребятишек и обучала их грамоте, счёту, знакомила с дальними странами и рассказывала множество интереснейших историй, некоторые из которых она сочиняла сама. Странное дело – дети, несмотря на всю присущую им жестокость, не смеялись над своей учительницей, а обожали её и не позволяли себе лишних проказ. Их изумляло, как преобразался её голос в момент рассказа, становясь мелодичным, как движения из дёрганных превращались в плавные, а в глазах загорался настоящий огонь.

Однажды, когда все увлеченно слушали новую сказку Жасмин, к ним подошёл юноша, на руке которого грозно восседал сокол. Это был новый Сокольниковый. Ветер донёс до него несколько настолько прекрасных, утонченных предложений, что ему стало любопытно, кому могли прийти в голову такие слова. Оказавшись на поляне, он сначала удивил-

ся тому, что попал на урок, но незаметно заслушался и уже не смог уйти, рискуя получить нагоняй. Более того, за всю свою короткую жизнь он никогда не видел более красивой девушки, чем рассказчица. Его заворожило её точеное лицо, дивный стан, белая кожа, густые тёмные волосы, аккуратно убранные в высокую причёску, и голос, напоминавший пение ангелов.

Вдруг девушка запнулась, густо покраснела и невнятно пролепетала:

– Здравствуйте, что Вам угодно?

Сокольничий понял, что обращаются к нему, но ответные слова застряли у него в горле. Незаметно на его глазах произошла пугающая метаморфоза: вместо красавицы с ним беседовало настоящее чудовище, хоть и весьма дружелюбное.

– Я новый Сокольничий. Извините, пожалуйста, что помешал, – он скромно поклонился, и сокол склонил голову вместе с ним. – Вы очень интересно рассказывали, я заслушался.

– Вам понравилось? Правда? – чудовище весело улыбнулось. – А я Жасмин. – Она протянула ему трясущуюся руку.

На миг он замешкался: пожимать ладонь, сплошь покрытую коростой, было не самым приятным делом, но всё же напомнил он себе: «Когда она говорила, увидел я совсем другую девушку», – и неожиданно для себя поцеловал ей руку.

Они подружились. Теперь Жасмин часто заходила в птичник, чтобы проведать своего друга, а он очень любил как

бы невзначай прогуливаться мимо полянки как раз в тот момент, когда звучала очередная сказка. Его удивляло, что помимо прекрасного владения словом, она была знатной рукодельницей, прекрасной стряпухой и мастерски разбиралась в тысяче самых разных вещей. Но каждый раз он мысленно напоминал себе: «Просто ей пришлось себя чем-то занимать, потому что с ней никто не хотел дружить».

Жасмин, каждый раз встречаясь с ним, думала: «Поразительно. Он совсем не обращает внимание на мою внешность. Для него важна я сама. Он всегда так внимательно меня слушает, а его взгляд... Так смотрят только на тех, кого любят... Неужели он полюбил меня так же сильно, как и я его?»

Девушка была крайне взволнована. Ее переполняли самые светлые мечты и яркие надежды. Она ничего не могла поделать со своими чувствами, которые с каждым днём становились всё сильнее, ибо в мире не бывает ни двух смертей, ни дружбы между мужчиной и женщиной. Она думала о нём дни и ночи напролёт и впервые в жизни стала проявлять интерес к нарядам и причёскам. Порой, когда всё казалось совсем уж нереальным, она прислушивалась к своему сердцу, и оно с непосредственностью подтверждало самые смелые догадки.

Одним дождливым вечером Жасмин случайно подслушала, как Сокольничий беседовал с кем-то из своих приятелей с конюшни о некой девушке, которая поразила его своей красотой. Он так подробно описывал внешность незнаком-

ки, что не оставил никаких надежд.

Жасмин зарыдала и убежала домой. «Как же так? Почему мое сердце обмануло меня? Почему я настолько отвратительна?» – думала она, пытаясь привыкнуть к новой боли, разрывающей всё тело на куски.

Стоит ли говорить, что теперь жизнь девушки стала совсем безотрадной. Встречи с Сокольниковым хоть и доставляли радость, но каждый раз после них в груди вокруг сердца плотным кольцом оборачивалась змея и со всей силой кусала. В конце концов, в один из дней они поссорились по самой пустяковой причине и перестали видеться.

Жасмин часто плакала. Теперь ей приходилось прикладывать много сил, чтобы кто-либо ненароком не заметил её скверного настроения. К своему ужасу, она поняла, что вместо желанного облегчения разлука доставляет ей ещё больше горя.

Чтобы хоть как-то справиться со своими чувствами, она стала в свободное время смотреть на небеса.

Яркое Солнце слепило и согревало всё тело своим теплом. Под его жаром высыхали слезы, оставляя после себя липкие, вязкие тропки на щеках. И если физически она чувствовала себя совершенно бессильной и поломанной, то в душе всячески сопротивлялась постигшему её несчастью.

Всхлипывая, девушка непрерывно обращалась к облакам с просьбой помочь ей как-то справиться с собой и смириться с одинокой судьбой. Она так часто смотрела ввысь, что

её мысли начали сворачивать на новую тропинку: она принялась фантазировать, как выглядит легендарный облачный город и его обитатели.

Постепенно всё это складывалось в новые истории со множеством приключений и невзгод, но которые всегда имели счастливый конец. Почему так происходило, она и сама толком объяснить не могла. Как и то, почему не обозлилась на Сокольнического. С привычным равнодушием смотрела она на коросту и думала: «Говорят, что нутро всегда – рано или поздно – выберется наружу. Значит, внутри меня так много изъянов, что они не могут оставаться незаметными. Только как мне исправиться?»

Как-то раз, после урока, очень усталая, она сидела в саду под огромным кустом цветущего жасмина. Любуясь уже почти родным облачным городом, она невольно вновь спросила себя: «Как мне победить эту боль? Как избавиться от змеи, свернувшейся в груди кольцом и пожирающей, как мелкого грызуна, сердце? Как мне перестать быть таким страшилищем?»

В этот самый миг ударил лютый мороз, начался снежный буран. Жасмин не успела и дёрнуться, как примёрзла к скамейке и превратилась в ледышку. Это безумство прекратилось так же внезапно, как и началось.

Оттаявшая Жасмин с тревогой осмотрелась – но ни одно растение не пострадало. Напротив, воздух наполнился пленительным ароматом жасмина. Платье девушки промокло

насквозь, его ткань тяжелыми складками прилипла к телу, и ей ничего не оставалось, кроме как резво побежать домой.

Скинув в комнате одежду, она быстро подогрела себе воду с травами от простуды и нырнула в нее с головой. Она настолько сильно замерзла, что кожа утратила былую чувствительность, и впервые зуд не усиливался из-за мытья. «Надо будет узнать, не пострадал ли кто ненароком после внезапного холода», – подумала она, вылезая из ванной.

Потянувшись за полотенцем, девушка заметила, что её рука стала белой и гладкой. На ней не было ни коросты, ни складок. Она дёрнулась от испуга и врезалась в зеркало. Из зазеркалья смотрела очень красивая девушка с выразительными чертами лица и пышной женственной фигурой. Всё ещё не веря своим глазам, Жасмин начала себя ощущивать, но осознание не противоречило зрению.

«Неужели это я? Мысли мои. Чувства тоже... – на всякий случай она прижала руку к сердцу, – да, это я!»

– Это я! – воскликнула она и затем звонко засмеялась, ибо голос больше не был дрожащим, а речь невнятной.

Наспех завернувшись в халат, она бросилась в гостиную, где в это время имели обыкновение пить чай князь и княгиня.

– Мама, папа, посмотрите на меня! – закричала она, распахивая дверь.

Родители кинули на неё свои изумлённые взоры и, не сговариваясь, покачали головами.

– Мама, папа, разве вы не видите, что произошло? – она весело закружилась перед ними.

– Нет, не видим, – ответила мама, откладывая в сторону вязание.

– Вы шутите? Но ведь я больше не чудовище, да и коросты нет.

Теперь родители внимательнее присмотрелись к дочери. Вопреки всей правде жизни в их глазах Жасмин всегда была первой красавицей княжества. Они настолько свыклись с этой мыслью, что перестали замечать все её недостатки. Однако теперь на их лицах одновременно отразились радость и испуг.

– Доченька, ты всегда была у нас красавицей, но сейчас... – промолвила княгиня.

– Жасмин, – строго обратился к ней князь, – что произошло? Ты ходила к болотной колдунье?

– Нет, папа. Я просто сидела в саду. Потом пошёл снег...

– Какой ещё снег? – обеспокоился князь.

– Как? Был же настоящий снегопад. Да и мороз ударил.

Княгиня ахнула.

– Вы не заметили? Снег лежал везде, а потом бесследно растаял, впитался в землю... – девушка озадаченно посмотрела на родителей и плотнее завернулась в ткань, словно желая от чего-то спрятаться.

Родители переглянулись: их дочь вполне могла такое вычитать в одной из своих книжек и случайно решить, что так

оно и есть, но как бы то ни было, изменения в облике было невозможно не заметить.

Было решено созвать самых искусных лекарей, чтобы понять причину такого приятного, но всё же пугающего превращения. Но к каким бы ухищрениям и исследованиям не прибегали светила врачебной науки, ничего объяснить они так и не смогли. На всякий случай было решено даже проверить, не безумна ли девушка и не является ли самозванкой. Однако в конечном счёте все двенадцать лекарей подписали диагноз: она – урождённая княжна, которая здорова как физически, так и душевно, а резкие перемены во внешности скорее всего связаны с возрастными изменениями.

После этого на весь свет прогремела радостная весть: Жасмин исцелилась от мучившего её долгие годы недуга и теперь пребывает в распрекраснейшем расположении духа.

Поползли слухи о неземной красоте единственной дочери князя. Стали приходить письма от женихов со всех концов, а каждый житель княжества теперь мечтал хоть краем глаза увидеть самое главное сокровище страны. Впрочем, были и те, кто едко замечал, что без сговора с тёмными силами здесь явно не обошлось, но их сразу осаживали те, кому посчастливилось лично видеть девушку: такая красота может быть только от света, да иначе стала бы она продолжать возиться с детишками?

Свадьбу ожидали со дня на день, но казалось, будто измученная вынужденным одиночеством девица совсем не то-

ропится замуж. Она отвергала каждого претендента на руку, заявляя: «Раньше они и слышать обо мне не желали, а теперь им всем нужна только моя красота. Они не влюбляются в меня, а лишь желают иметь, как желали бы иметь в своём доме прекрасную безделушку».

Как-то раз Жасмин собралась на прогулку по лесу, но прежде решила уточнить у поварихи, выздоровела ли её внучка от лихорадки, и не нужно ли собрать для неё дикой малины. Выяснив, что с девочкой всё в порядке, и завтра она вышла на задний двор и нос к носу столкнулась с Сокольничим. Молодой человек застыл на месте.

– Привет! Ты меня не узнаёшь? – краснея и с робостью в голосе спросила у него Жасмин, кокетливо поправляя складки на юбке.

– Привет, Жасмин! – ответил Сокольничий тихо, – ты отлично выглядишь. – У него перехватило дыхание, и он как филин заморгал глазами.

Сколько раз он втайне жалел, что в реальности никогда не увидит Жасмин в том облике, который пригрезился ему в день их знакомства, и сейчас, стоя перед ней, просто онемел от восторга. Его посетила горькая мысль, что негоже простому сокольничему любоваться такой прекрасной и разумной девушкой, и уж тем более позволять себе проявлять к ней какой-либо интерес. Волей-неволей он взял себя в руки, отвёл взгляд, в котором некстати вспыхнуло пламя, и начал ни к чему не обязывающий разговор на несколько минут, дабы

поскорее откланяться.

Шли дни, и княжне снова не давала покоя выматывающая боль в груди. Красивая внешность не принесла ей никакой радости. Напротив, теперь она ещё сильнее ощущала своё одиночество, словно оказалась в холодной и сырой темнице. Оказалось, что пронзительная красота суть перевёрнутое уродство: и то и другое слишком сильно не соответствует привычному взгляду на вещи. Так Жасмин стала одновременно самой завидной и несчастной невестой во всём княжестве, а может быть, и за его пределами.

Может статься, так бы и кончила она свой век в тоске, слезах, если бы случайно одним летним утром не услышала спор между конюшим и садовником.

Было нежное солнечное утро, дул прохладный ветерок, а на кончиках листьев ещё дрожали капельки росы.

Жасмин только начала урок. Ребята получили первое задание и усердно стучали мелкими по грифельным дощечкам.

Вдруг ветер донёс до ушей девушки фрагменты какого-то разговора. В долетевшем отрывке фразы прозвучало имя Сокольничего. Естественно, ей было любопытно узнать новости о нём, и она решила как бы невзначай появиться перед собеседниками под предлогом того, что они мешают проводить урок.

Стараясь не выдать своего волнения, она гордо вышла из-за кустов и увидела перед собой конюшого и садовника, яростно перекладывающих друг на друга почётную обязан-

ность приглядывать за соколами. Она строго пожурила их за шум, а потом равнодушно поинтересовалась о предмете их спора. Ей понадобилось проявить всё свое самообладание, чтобы спокойно выслушать весть о том, что Сокольничий уже месяц как заболел, и болезнь его не поддается никакому известному способу лечения. Девушка, посочувствовав, любезно с ними распрощалась и вернулась к ученикам.

Она ничем не выдала своего смятения, спокойно окончила уроки, отпустила ребят чуть раньше и поспешила к своему другу.

Забыв о каких-либо приличиях, она вбежала в его дом. Запыхавшаяся, с растрёпанными волосами и дрожащая от волнения, она тем не менее напомнила двум лекарям и матери Сокольничего одну из прекрасных фей, которых лет сто уже никто не встречал.

Она смущённо поздоровалась, со стыдом подумав, что, во-первых, выглядит как взбесившийся зверёк и, во-вторых, может быть, её здесь никто не желает видеть. Не успела она и рта открыть, чтобы извиниться и представиться, как лекари начали кланяться и сварливо просить удалиться. Жасмин пропустила их просьбу мимо ушей и еще раз спросила, чем она может помочь.

– Лучше всего будет, если Вы уйдете отсюда. Ничего нельзя сделать, а болезнь может быть заразна. – Ответили ей.

– Вы же не знаете этого наверняка. Я хочу увидеть Сокольничего. Может быть, он сам скажет мне, в чем нуждается.

– Наверяд ли это доставит Вам удовольствие.

– А я не за удовольствием сюда пришла.

Войдя в комнату Сокольниченко, она еле сдержала слёзы при виде своего друга. Злая судьба подшутила над ним. Он был покрыт отвратительной розовой коркой, кое-где на простынях были заметны маленькие пятна крови. Судя по стонам, даже прикосновение хлопковой ткани причиняло ему сильную боль.

– Здравствуй. – Жасмин подошла к нему и застенчиво улыбнулась.

– Здравствуй, Жасмин. Как твои дела? – прошептал он, почти не разжимая губ. Девушка наклонилась к нему, чтобы лучше услышать и случайно дотронулась до руки.

– Ты весь горишь!

– Лучше уходи, Жасмин. Это может быть заразно. Да и не трогай меня... я ведь знаю, что...

– Ты просто приболел. Неужели ты думаешь, мне противно быть рядом с тобой и касаться тебя?

– Сейчас да...

– Глупый... – Жасмин ласково погладила его по щеке, словно не замечая коросты. – Не больно?

– Ничуть...

Жасмин покинула дом Сокольниченко с твёрдым намерением во что бы то ни стало найти способ помочь ему.

Она отменила занятия на ближайшие дни и бросила все силы на поиски лекарства или какого-нибудь заклинания. От

лесничего она узнала об одной старухе, живущей на самой окраине леса, среди болот, увядших трав и сгнивших деревьев. Она носила прозвище болотной колдуньи и была окружена множеством самых противоречивых сплетен.

Жасмин ничего не пугало. Она приободряла себя тем, что неприглядность места лишь олицетворяет все те муки, что ей необходимо победить, а раз кругом всё цветёт, значит, выход есть.

Однако увиденное превзошло все ожидания: чёрный, из прогнивших досок домик, покосившийся настолько, что его треть просто утопала в болоте, стоял, огороженный неким подобием частокола из ржавых ножей и мечей, прямо посреди сада из высохших берёз, на ветвях которых висели, как сережки по весне, скелеты разных зверьков с оскалившимися пастьями.

Жасмин сложила руки на груди и брезгливо прошла по дорожке из ломаного кирпича. На мгновение она усомнилась в том, что сможет получить помощи у хозяйки этого поместья. В груди что-то странно вздрогнуло и заглохло, привычная боль стала ещё сильнее. Она решила не отступать от задуманного.

Она постучалась в дверь, сплошь состоящую из щелей, но вместо вразумительного ответа услышала жуткий гул, а следом неведомая сила втокнула ее внутрь хибары.

В закопчённой комнате с плесенью на стенах, на роскошном диване с золотыми ножками сидела старуха, завёрнутая

в грязные лохмотья, бывшие когда-то, судя по уцелевшим кусочкам, белым одеянием.

– Здравствуй, девочка. Что ты хочешь? – нарочито любезно обратилась она к Жасмин. – Приворожить? Устранить соперницу? Покарать обидчика? Избавиться от ребенка? Всё легко, просто, сразу и почти бесплатно.

– Я хочу, чтобы мой друг выздоровел. Он сильно болен. – Несмело пролепетала девушка, никак не ожидавшая ни такого радушного приёма, ни перечня предложений.

– Раз ты ко мне пришла, значит, неровно дышишь к нему. Лишь женщина, испытывающая сильные чувства, способна беззаветно помогать мужчине.

– Вы сможете его вылечить? – девушка вовсе не собиралась раскрывать своё сердце этой женщине.

– Хм! Но ты не назвала его возлюбленным, получается, вы с ним – не пара, – колдунья усмехнулась, – зачем тебе его исцеление? Он поправится и забудет, кому всем обязан. Лучше приворожи или усиль его муки, раз он тебя не замечает.

– Значит, Вы не лечите людей?

– Смотря от чего. Пойми, девочка, жизнь коротка и тяжела, а думаешь, я не вижу, что творится у тебя на душе – ведь именно поэтому ты и пришла в первую очередь ко мне. – Она указала пальцем на симпатичные баночки с красочными этикетками, стоящие на полках огромного стеллажа в дальнем углу. Внутри каждой из них ютились дрожащие, маленькие, чёрные огоньки, – всего лишь маленький кусочек тебя, и все

твои метания исчезнут в секунду. Богатство, осуществление желаний – всё. Запросто и почти бесплатно. Я избавлю тебя навсегда от печали и всех волнений. Как лекарь вырежу то, что болит, а взамен дам здоровье и счастье. Девочка, я вижу, как ты красива, но несчастна и одинока. Это никуда не годится! До крышки гроба надо ещё дожить, а сейчас... Отомсти ему! Используй свою добродетель как яд. Я вижу надежду в твоих глазах. – Старуха проворно встала с дивана и приблизилась к Жасмин. – Уберу, что болит и спрячу в баночку. – Она ткнула пальцем ей в грудь. – До самой смерти будешь довольна!

– А потом? – девушка невольно заслушалась.

– До крышки гроба надо дожить. Решайся, несколько минут, и он твой раб навек. Ты отомщена. Счастлива до самой смерти.

– Но я не хочу ничего дурного. Мне нужно лекарство.

– Глупая девчонка, как ты не понимаешь...

– Я понимаю, что Вы ничем не можете и не желаете мне помочь, – Жасмин вдруг почувствовала себя очень сильной. Она ощущала внутри пустоту, но где-то в самом дальнем уголке души сиял маленький огонёк, который и придавал уверенности, – извините за беспокойство! Всего доброго. – Княжна развернулась, чтобы уйти, но старуха оскалилась и схватила её за локоть:

– Тварь, ты посмела нарушить мой покой и теперь собираешься уйти, ничего не отдав?

– Я и так отдала Вам слишком много своего времени, – девушка вырвалась и бросилась прочь.

– Он не выздоровеет, а ты будешь всю жизнь одна! – крикнула ей вдогонку колдунья.

Жасмин с необычайной лёгкостью перепрыгнула через ограду и, обернувшись, заметила, что на острие каждого ножа и меча застыла капля крови, а на их лезвиях были нанесены смутные силуэты мужчин и женщин. Внезапно она поняла, что колдунья закатывает в свои банки, и не смогла сдержать крик.

Не разбирая дороги, она бросилась прочь от этого проклятого места. Идти в хорошем расположении духа по петляющей и извилистой тропинке к домику колдуньи было легко и весело, а вот возвращаться оказалось совсем непросто.

Она спотыкалась, перескакивала с тропинки на тропинку, путалась в широких складках своей пышной юбки, которая в один момент порвалась, зацепившись за сук, торчащий из трухлявого пня. Пробираясь через очередной заболоченный участок, она потеряла туфельки. Острые ветки расцарапали ноги до крови. В чаще затерялись заколки, и если бы какой-нибудь бродяга вдруг случайно забрёл бы в эти места, то с удивлением бы обнаружил вместо ягод драгоценные камни, которые когда-то были украшением на княжеских заколках. Вода из родника, в который она поскользнувшись упала, смыла остатки пудры и румян. Теперь от колдуньи бежала не княжна, а обыкновенная молодая женщина.

Выбравшись из леса, Жасмин, не обращая внимание на прохожих, во все глаза пялящихся на прекрасную оборванку, поплелась в сторону терема. Она даже не заметила, что никто не посмел пристать к ней или сказать скабрёзность, словно, невзирая на одежду, было понятно: перед ними княжна, а не гулящая девка.

В тереме девушка заперлась у себя в светлице и зарыдала. Её безумно напугали слова колдуньи да боль, обострившаяся в груди. Снова убедившись в своём бессилии, она почувствовала, что задыхается и закашлялась. Окружающие предметы стали видны настолько чётко, что по нервам прошла скручивающая зигзагообразная боль. Она рухнула на пол, тихонько застонав. Всё было лишним, незначительным, ничёмным, чужим. С трудом она доползла до окна и приоткрыла ставни. В светлицу ворвался холодный воздух, но он не принёс желанного облегчения. В изнеможении девушка посмотрела на облака. Они ничуть не радовали, но оторвать от них взгляд было невозможно. Вдруг, в какой-то момент, Жасмин вспомнила историю своего неожиданного преображения. Тогда, кроме нее, никто не заметил ни холода, ни снегопада, да и растения не пострадали, словно ничего не было и в помине. Значит, исцеление пришло каким-то волшебным и таинственным способом прямо с неба. Она так долго смотрела на облака и жаловалась на жизнь, что в конце концов кто-то там её услышал и пожалел, подарив новое тело, ничего не прося взамен. Но ведь значит, облачный город –

это не плод разыгравшейся фантазии. Он существует в реальности, там у кого-то есть лекарства от каждой хвори, и плату он станет требовать не по колдовскому счёту. Там не будут предлагать мстить и подчинять себе... Там судят иначе, а она, неблагодарная, даже «спасибо» не сказала. Но как туда попасть? И как найти того, кто и на этот раз не откажет в поддержке?

Жасмин задумалась, но снова на ум не пришло ничего толкового. Она припоминала все свои истории, которым, застыв от восторга, внимали маленькие ученики. Видимо, они чувствовали то же, что и она. Где же найти границу между фантазией и реальностью? С ней произошло нечто чудесное, не случайно та колдунья не смогла её удержать, и это чудесное не идет ни в какое сравнение с рядовыми чудесами всех придворных кудесников. Не так уж и сложно перенестись сквозь пространство, гораздо труднее – перекроить человека. Перекроить так, чтобы это не оказалось противно его природе и находилось в согласии с душой.

«Мне обязательно надо попасть туда: поблагодарить и, если это возможно, получить совет, какое лекарство поможет Сокольничему. Но как? Может быть, я уже была там, только не запомнила? Всё ведь произошло так быстро!» – она начала судорожно припоминать, как у неё вообще впервые появились мысли об облачном городе.

Снова всё обернулось лишь игрой ума, а в груди тот же голосок, что обманул ее с Сокольничим, еле слышно пел о том,

что она права. Никто не рассказывал ей об этом месте, она сама его открыла. Может быть, она снова пытается поверить в собственные сказки как ребенок? Ни один из её учеников не дошёл до такого. Да, каждый из них задавал ей тысячи вопросов, а она подробно отвечала, словно кто-то заранее заготовил ответы. Если вспомнить все истории, где каждое слово – удар её сердца, а предложение – вдох, то получится, где-то существует ещё один живописный мир, созданный ею самой. Она перебирала исписанные размашистым почерком хрустящие листки и находила в них больше жизни, чем во всех ученых изысканиях, покоящихся на проверенных фактах. Дети ждали их с нетерпением не потому, что сказки интереснее уроков. Просто самый сложный материал незамысловат, как щелчок пальцев. Он увлекает за собой яркими открытиями и напускной серьезностью: каждый тезис имеет антитезис, все задачи можно проверить, теории доказать, а информацию занести в схему. Путь проверки даже отчасти лёгок, во-все не обязательно дарить частичку себя, это лишь вредит. И наоборот, все небылицы идут от сердца, впечатавшись в каждый нерв, из них состоят косточки. Поделиться ими трудно, а еще тяжелее – их понять, но именно в сказках – вся суть, по крайней мере, её жизни. Важнее и сильнее может быть только её любовь к Сокольникову.

Жасмин закрыла глаза и словно наяву, со стороны, увидела сначала сцену их знакомства, а потом самый обыденный эпизод: они сидят рядом, а он внимательно слушает исто-

рию, которую она только что придумала: «Он ведь очень их любил и вслед за мной поверил в облачный город. Значит, по крайней мере, он существует для нас двоих. Я обязана хотя бы попытаться его отыскать!»

Она перечитала свои рукописи, пролиставла все книги, которые когда-либо брала в руки, просмотрела карты, тщательно вспомнила каждый свой сон, но нигде не было ответа. В отчаянье ломая руки, она посмотрела на облака: «Пожалуйста, кто-то, кто уже однажды помог мне, покажи дорогу в облачный город!»

В итоге, расстроенная пустопорожними многодневными поисками, Жасмин нехотя вернулась к урокам. Однако она была необычайно рассеянна, постоянно что-то роняла, а мысли путались в голове. На последнем занятии она безлико поведала об особенностях управления в соседнем государстве и уже собралась отпустить ребят, но они потребовали традиционную сказку, причём именно об облачном городе.

Девушке это не доставило особой радости, но она решила: «Негоже сваливать на них свои проблемы. Они ни в чём не виноваты: всего лишь хотят послушать интересную историю. Не стоит жаловаться, я ведь всё-таки княжна!» – и глубоко вдохнув, как ни в чём не бывало начала рассказ.

Она, как всегда, говорила очень эмоционально и невольно во время рассказа ощущала себя незримой спутницей персонажей, мысленно переместившись туда, где разворачивались действия придуманной ею истории. Жасмин снова ви-

дела этот край во всех подробностях, незначительных деталях, и печаль, которую она так тщательно скрывала от наивных детей, исхитрилась найти выход: незаметно по щекам покатались слезы. Они сверкали на ее лице, как бриллиантовые цветочки, и превращали глаза в два ночных озера, в которых отражаются кроны высоких дубов.

– Почему Вы плачете? Вы так расстроены, словно встретили Леля.

– Не плачьте, пожалуйста!

– Кто Вас обидел?

Дети загалдели наперебой.

– Вовсе я не плачу.

– Плачете, плачете! Мы же видим...

Жасмин почувствовала на губах вкус соли и пришла в такое отчаяние, что выпалила:

– Я плачу оттого, что не могу попасть в облачный город.

– Но почему?

– Я не знаю, как туда добраться.

– Но ведь Вы сами как-то сказали нам, что туда можно добраться, если очень сильно попросить птичек. Они укажут дорогу.

Жасмин опешила. По-видимому, она брякнула когда-то это наобум, чтобы от неё отстали.

– Вы ещё тогда добавили, что даже взобравшись на самое высокое дерево в мире, туда не попасть, ибо деревья живут на земле, облака – на небе, а вот птицы обитают и там и там.

Жасмин словно впервые увидела своих маленьких учеников. На неё смотрели не прежние проказливые деревенские малыши, а отважные, серьёзные люди, которых она – большая трусиха и дурочка – научила ничего не бояться и доверять не навязчивым мыслям, а тихому, таинственному шепоту в груди.

Она насилу улыбнулась, неловко от всей души поблагодарила их и рассказала историю до конца.

В тот же день, купив на базаре несколько мешков отборнейшего зерна, Жасмин отправилась в птичник.

Первым делом она обратилась к соколам, гордо восседавшим на своих дубовых жёрдочках. Переступая мышинные скелеты, девушка приблизилась к их вожаку.

Сокол глядел грозно, будто княжна выступала в роли его жертвы, тщательно отслеживаемой с невероятной высоты и вовсе не помышляющей о своем жалком уделе.

Жасмин учтиво поздоровалась с птицами.

– Что привело тебя к нам? – подал голос вожак стаи.

– Я думаю, Вам известно, что Сокольниковый серьёзно болен. Его никак не могут вылечить. Мне хотелось бы попросить Вас помочь мне добраться до облачного города. Это последняя возможность найти для него лекарство. Я заплачу...

– Облачный город. Это слишком далеко, вдруг мы понадобимся на охоте.

– Но ведь Сокольниковый ухаживал за Вами!

– Посуди сама: мы птицы подневольные. Всегда должны

быть на месте. Вдруг что-то приключится в пути? Цена каждого из нас высока, а способности – уникальны. Да и потом. Слетаем мы туда и обратно. Силы наши иссякнут, а вдруг охота. Долг наш служебный превыше всего!

– Но он глаз с вас не спускал...

– Пустое. Вчера он, сегодня другой. Вы и понятия не имеете о долге. Каждый выполняет свою работу. Если мы устанем и будем плохи на охоте, то наша жизнь в этот же день закончится. Другие птицы будут над нами смеяться, а наследник, может, и вовсе свернет головы.

Жасмин расстроилась, осознав, что переубеждать соколов бесполезно. С одной стороны, она очень сильно разозлилась на них, а с другой – по-житейски поняла. Она решила обратиться к другим птицам. Может быть, кто-то окажется не настолько занятым?

В оранжерее, среди вечнозеленых растений с удушливым запахом, жили огромные разноцветные попугаи. Яркие, с сильными крыльями и тяжелыми клювами, они сидели на ветках, свесив длиннющие хвосты да расправив хохолки. Почему-то они напомнили девушке всю ту скуку, с которой ей пришлось столкнуться после превращения.

Жасмин обходительно поздоровалась и обратилась к ним со своей просьбой, но попугаи даже не дослушали. Лишь услышав о городе облаков, они нахохлились и стали жаловаться на холод.

Девушка в отчаяние вышла на воздух. Если птицы, живу-

щие в саду, не откликаются на её призыв, то лесные и подавно упорхнут. Она бессильно опустилась на землю и уставилась на облака, спокойно плывущие по небу.

– Вам тоже нравится смотреть на облака? – обратился к ней кто-то противным и хриплым голосом.

– Мне надо не смотреть, а попасть туда, – ответила девушка не повернувшись.

– Увы, мы, павлины, не летаем, – Жасмин наконец-то взглянула на собеседника, огромного павлина, – да и говорить-то ладно не умеем, не то что петь. Зато голуби Вам точно подскажут, как туда попасть.

– Спасибо огромное! – Жасмин от радости поцеловала птичку и побежала к голубятне.

Войдя внутрь, она невольно закрыла нос рукой. Запах помёта был нестерпимым, а беспорядок, царящий вокруг, навёл на мысль об урагане, погостившем в этом домике.

Жасмин тихо поздоровалась, однако главный голубь её услышал и сел на плечо, полюбопытствовав, какая беда с ней приключилась. Узнав, в чём дело, голуби призадумались: «Видишь ли, мы с удовольствием дадим тебе провожатого, но чтобы поднять тебя вверх, наших сил будет недостаточно. Знаешь, полетим-ка к лебедям».

Возле пруда, как всегда, было тихо и спокойно. Лебеди чинно проплывали парами, не создавая даже ряби.

– Дорогие лебеди, – обратился к ним главный голубь. – Видите эту девушку?

– Мы её прекрасно знаем.

– Ей очень нужно попасть в облачный город.

– Зачем Вам туда?

– Мой друг болен, – вступила в разговор Жасмин.

– А не тот ли это Сокольничий, из-за которого ты горько плакала?

Жасмин покраснела.

– Не обижайся, просто любопытно. Тебе виднее. Не зазорно пытаться помочь тому, кого любишь. Даже если он тебя крепко обидел.

– Так Вы мне поможете? Я заплачу...

– При чем здесь плата? Она нам ни к чему. Тут есть кой-какая сложность: мы с лёгкостью впряжемся в лодку и пове-зём тебя, но мы никогда там не были и не знаем дороги, хотя если голуби подскажут...

Жасмин с трудом извлекла из сарая старую лодку, кото-рая была самой лёгкой из всех имеющихся. Дно ее оказа-лось дырявым, но девушку это ничуть не смутило. Прики-нув, что доски ещё достаточно крепкие, она положила на них тонкие самодельные коврики, сотканые когда-то ради заба-вы на досуге, а бортики для красоты покрасила серебристой краской. Прежде чем отправиться в путь, она сменила платье на более нарядное и замысловато уложила волосы, решив, что не очень вежливо являться в незнакомый город к незна-комым людям в неприглядном виде. Когда всё было готово, к тельцам двух лебедей она осторожно привязала атласные

ленты-поводья.

Птицы расправили крылья и взмыли вверх. Впереди летел резвый голубь и беспрестанно чирикал, подгоняя непривычных к долгим перелётам лебедей. Ему казалось, что в облачный город надо лететь быстро и весело, иначе путешествие может не только растянуться, но и окончиться неудачей. Жасмин было совсем не страшно. Несмотря на то, что она перестала различать дома и людей, а её глазам открывалась лишь непрерывная зелень лесов и синева рек, она не чувствовала тоски по земле, да и голова совсем не кружилась. В ней зародилась некая стойкая уверенность в собственной правоте: впервые она поступает так, как должна, и не сбивается со своего пути. В облачном городе ей обязательно помогут и она не останется в долгу: сделает всё, чтобы отблагодарить за все чудеса. И вдруг разум, как всегда, шепнул: «А вдруг это всё было для забавы? Или вообще благодарить надо кого-то другого? Да и зачем столько трудностей ради того, кто, может, и не поблагодарит тебя?» Она впервые усомнилась в своих действиях и чуть не выпустила поводья, однако тихий-претихий голосок внутри напел: «Как же ты ещё не поняла? Жить без него – всё равно что без одного лёгкого: вроде дышишь, но задыхаешься». В конце концов, Жасмин решила для себя: «Как бы там ни было, как бы он ко мне не относился, я всё равно должна попасть в облачный город. По крайней мере, чтобы выяснить, кто меня обманывает: разум или сердце». Её взгляд блуждал по удивительной

синеве небес. Их цвет плавно менялся, напоминая то бирюзу, то чистый сапфир, то насыщенный фиолетовый агат, переплетающийся с полупрозрачностью аквамарина. Нежные акварельные переливы соединялись в бьющую по глазам пастель индиго, а серые, как лапки паучка, дождевые прожилки с оранжевыми отсветами бушующих гроз лишь добавляли выразительности. Солнечные лучи ослепляли, но они же прокладывали гладкую, прямую дорогу. Голубь поминутно восторгался: «Идём прямо по курсу, прямо по солнечному лучу!» Наконец-то вдали показался облачный город: облака огромными жемчужинами были плотно насажены на невидимые нитки и отливали перламутром. Лебеди вслед за голубем влетели в одно из них и плавно приземлились. Жасмин поблагодарила их, отвязала атласные ленты, чтобы птички смогли отдохнуть, и неповоротливо ступила на облако. Оно оказалось упругим, словно зефир. Вокруг не было ни души, однако непонятные фигуры из облаков, напоминающие то ли растения, то ли неуклюжие детские куличики из песка, всё же внушали надежду на существование здесь особой формы жизни.

– Это и есть облачный город? – на всякий случай уточнила Жасмин у голубя, – здесь тепло!

– Да, здесь всегда отличная погода. Сейчас я провожу Вас к одной женщине, волшебнице, она живёт неподалеку.

– Волшебнице? – неуверенно переспросила Жасмин. После той старухи ей не хотелось встречаться ни с кем подоб-

НЫМ.

– Не пугайтесь! За всю жизнь она никому и никогда не сделала зла.

– Хорошо... – Жасмин всё же решилась ещё раз испытать судьбу. По прямой дорожке, следуя за голубем, она быстро пришла к огромному облаку.

– Заходи, не бойся! – голубь быстро замахал крыльями.

Жасмин глубоко вдохнула и, зажмурившись, нырнула внутрь.

Когда она наконец-то отважилась открыть глаза, то увидела женщину в прекрасном перламутровом платье, сидящую на длинной, узкой скамье и прядущую шерсть, переливавшуюся всеми цветами радуги. Рядом с ней стояло большое зеркало, в котором отражалось множество мелких движущихся картинок.

– Здравствуйте, – княжна почтительно поклонилась.

– Здравствуй, моя хорошая! – у женщины был очень ласковый голос, – а ты, Жасмин, стала ещё краше, чем после снега.

– Мне хотелось бы от всей души поблагодарить Вас за моё... превращение.

– Мне разрешили, я и сделала. Тем более, всё это уже у тебя было, только надо было подправить.

– Почему Вы решили мне помочь?

– Твой вид раньше тебе вовсе не соответствовал. Я давно смотрела на тебя сверху, видела, что ты за человек... Мне

было радостно наблюдать за твоим преображением. – Женщина недовольно оглядела веретено. – Что-то сегодня нить тяжело идет.

Жасмин с недоумением потёрла нос. Только сейчас она заметила, что длина нити измеряется километрами, и конец ее путается среди облачных холмов.

– Ты ведь пожаловала ко мне не только для того, чтобы сказать слова благодарности. Верно?

Девушка потупила взор, несмотря на то, что в интонации волшебницы не было укора. Её поразило, что женщина видит её насквозь, и от неё не может укрыться ни одна, даже самая маленькая, мысль.

– Видишь это зеркало? Оно подсказывает мне, на что стоит обратить внимание в первую очередь. А там я уже решаю, как поступить. Почему вначале пошла к лесной колдунье?

– Это показалось проще всего...

– В самом деле, проще.

– Она чуть не сцапала меня, но почему-то мне удалось вырваться.

– В тебе всё ещё остался огонек. Я до последнего боялась, что ты дрогнешь и пойдёшь с ней на сделку.

– А вдруг она согласилась бы вылечить...

– Вот это исключено. Она не умеет лечить, только калечит. Ее предложения всегда слишком привлекательны и легко сбивают с первоначальной доброй цели. Если, конечно, у пришедшего она такова.

– Я так и поняла, когда она и слушать меня не стала.

– А ты хочешь, чтобы он был здоров?

– Ради этого я всё и затеяла. Я подумала...

– Хорошая моя, ты понимаешь, как это непросто. Мне разрешили прийти к тебе на помощь, но я не всесильна. Сейчас многое зависит от тебя.

– Что необходимо сделать?

– Я дам тебе рецепт, но есть одно условие. Чтобы лекарство подействовало, ты должна навсегда отказаться от своей красоты. Ты снова станешь страшилищем.

Жасмин увидела в зеркале свой прежний облик. Она перевела взгляд на свои белоснежные, ухоженные руки и твёрдо произнесла:

– Надеюсь, лебеди меня не испугаются.

– Значит, ты готова до конца жизни быть чудовищем?

– Столько лет была и еще пробуду. Справлюсь.

– Как знаешь, – волшебница отложила веретено и жестом пригласила девушку сесть. – Жасмин, необходимо сделать специальную мазь. Для её приготовления понадобится мёд диких пчел, обитающих на дереве, расположенном в двенадцати шагах на восток от ясеня, украшенного лентами. Ты должна руками смешать его со свежесобранными цветами жасмина. Их сорвёшь с того самого куста, под которым сидела в день превращения. Можешь сделать это до того, как раздобудешь мёд. Они не завянут. Но ты должна собрать только эти цветы. Это обязательное условие. – На лице вол-

шебницы появилась тёплая улыбка, и она задумчиво, словно нараспев, произнесла. – Когда-то очень-очень давно я увидела одну отчаявшуюся девушку, она тоже была по-своему смелой... Пришлось натравить цаплю на ужа, а потом разрешить двум призракам ей помочь... Она была садовницей. Этот сорт жасмина она вывела, когда ждала своего первенца. Забавно, у самой искусной садовницы и министра почв и земледелия родились замечательные, добрые, талантливые детки, но без каких-либо способностей к выращиванию растений. Благо правнучка исправила ситуацию.

– Получается, Вы всё можете.

– Нет, только то, что мне позволяет Создатель... Так! На чём мы остановились? Значит, смешиваешь всё вместе, а потом намажешь Сокольничего получившейся мазью. Но помни, ты должна это сделать своими собственными руками, которые, как только ты приступишь к поиску мёда, нельзя мыть, какими бы грязными они не оказались. По глазам вижу, всё запомнила. Не передумаешь?

– Никогда.

Волшебница коснулась плеча Жасмин, и девушка ощутила уже подзабытую боль в конечностях и тяжесть во всём теле.

– Только не расстраивайся, моя хорошая.

– Сейчас я переживаю, получится ли у меня всё сделать как надо.

– Получится, а чтобы наверняка...

Внезапно волшебница засунула руку прямо в грудь девушки, туда, где бьется сердце, и резко выдернула что-то.

К ужасу Жасмин, её пальцы сжимали огромную извивающуюся змею с перепачканными кровью зубами. Пресмыкающееся ещё некоторое время вращалось, а после – вздрогнуло, застыло и рассыпалось в прах.

– Она жила с тобой долгое время. На сердце, небось, живого места нет. Всё искусано! Представляю, как колдунья обрадовалась, заметив её. Но, благо, огонёк не потух. Теперь он всё-всё залечит. Ну, прощай, моя хорошая. Надо ведь поскорее вылечить твоего друга.

– Я снова не знаю, как Вас за всё благодарить... Я...я... – голос Жасмин незаметно вновь стал нервным и захлёбывающимся.

– Поглядывай почаще на небо, ходи по прямой дорожке да руки без дела не держи. Это будет важнее, чем миллионы слов цветастой благодарности. Жаль с тобой расставаться, но ничего не поделаешь. Беги...

Волшебница обняла Жасмин и вновь взяла в руки веретено. В эту же секунду девушка оказалась возле лодки.

Увидев её, птицы хотели высказать сочувствие, но, заметив торжествующий вид девушки, сами гордо впряглись в повозку.

Возвращаться из облачного города оказалось гораздо легче, чем попасть. Не прошло и пяти минут, как они приземлились в саду возле пруда. Княжна тотчас щедро одарила са-

мым отменным зерном лебедей, голубей и павлина.

Затем она отправилась на поиски ясеня, украшенного ленточками. Это оказалось совсем не сложно, как и обнаружить дерево с дикими пчёлами. Они громко, с негодованием жужжали вокруг дупла.

– Милые пчёлы! Мне бы хотелось купить у вас немножечко меда, – крикнула Жасмин, пытаясь отдышаться: она несколько отвыкла от прежнего веса и неповоротливости.

– Прежде чем что-то продавать, мы должны разобраться со своим жильём. Ты слепая? Наш улей разваливается, весь мёд вытекает.

– Может быть, я могла бы вам помочь с ульем в обмен на мёд? – Жасмин сама удивилась тому, как ловко и быстро начала соображать.

– Ты готова помочь нам в восстановлении нашего домика? – пчёл явно заинтересовало предложение.

– Какие пожелания?

Пчёлы окружили девушку плотным коконом, как бы не давая отказаться от сказанного, и призадумались. Спустя время решение было найдено:

– Здесь, в деревеньке, живёт бортник. Когда-то в молодости он сам делал наш улей. Но он уже очень стар и не откликается ни на какие просьбы. Сумеешь уговорить починить дупло – век благодарны будем, а мёда получишь с запасом.

Жасмин поплелась на поиски дома бортника. Ноги разболелись, а в голове стоял ужасный гул. Приключения, выпав-

шие на этот день, порядком утомили. Но Жасмин не собиралась сдаваться, ведь столько дней и так потрачено впустую! Она приободряла себя тем, что если чуток потерпеть, то Сокольничий исцелится до захода Солнца. Она сбросила туфли и по-крестьянски пошла босиком. Сразу стало легче, словно от сама земля исцеляла.

Как заведено в таких случаях, бортнику когда-то взбрело в голову поселиться как можно дальше от пчёл – на другом конце деревни. На первый взгляд, дом представлял собой обыкновенную грязную хибарку, сбитую наспех из гнилых досок, но приглядевшись, а это Жасмин не преминула сделать, можно было подметить великое множество занятных и примечательных деталей, коими этот дом некогда славился на всю округу. Самым очаровательным и трогательным было то, что любовь старика к своему делу нашла отражение в оформлении всего участка, отгороженного от остального мира невысоким плетнём. Девушку немало позабавил колодец, выполненный в виде большого улья, врезавшегося в землю и на половину ушедшего в нее. Прекрасен был и флюгер в виде толстой пчелы, летящей куда-то с бидоном в лапках. Отделка фасада дома, как и форма двери и окон, были стилизованы под соты. Жасмин послонявила кончик пальца и потёрла, из интереса, деревяшку: сквозь слой грязи проступили опаловые переливы.

Отряхнув туфли от пыли и наспех надев их на стёртые ноги, девушка уверенно постучала в дверь. Никто не отклик-

нулся. Чуть погода она уже занесла руку для еще одного, более сильного, удара, как откуда-то из глубины дома некто раскашлялся, а потом, медленно шаркая, пошлёпал к порогу, чем-то постукивая.

– Пожалуйста, впустите меня! Я пришла предложить Вам работу, – прокричала Жасмин, испугавшись, что старик может принять стук в дверь за галлюцинацию.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем слышался грохот отпирающихся замков, коих девушка насчитала не меньше восьми. Дверь меланхолично заскрипела, и перед ней оказался сторбленный, с удивительно сильными для его возраста руками, старик, опирающийся на грубую палку, с бородой, прикрывающей колени. Его лицо при этом было на диво гладким, будто все морщины были стянуты куда-то к затылку.

– Чего тебе надо? – девушка с изумлением обратила внимание на то, что он был напрочь лишён какой-либо мимики. – В девяносто лет мне нужна не работа, а покой. Разве не заметно?

– Пчёлы мне сказали, что только Вы можете...хм...отре-ставрировать их дупло.

– Ах пчёлки... милые мои... Искусали меня за всю жизнь так, что теперь, хоть и скрючен, а боли не чувствую, да и лицо гладкое. Весь пропитался их ядом. Вот и думай, хорошо это или плохо? Впрочем, не свидимся мы с ними больше.

– Дедушка, я очень Вас прошу. Может быть, Вы сделаете

конструктор, объясните мне всё, а я сама сложу улей?

– Смысл-то? Деревце-то из-за тебя проломится, – ехидно заметил бортник.

– Я ведь... Хотите я дам Вам денег на починку дома. Только отремонтируйте их улей!

На лице старика между тем отразилось раздумье: было заметно, он соскучился по ремеслу, но по какой-то причине никак не мог решиться ответить утвердительно.

– Видишь ли, милая, деньги мне особо ни к чему. Да и хибару мою теперь что толку чинить? Легче новую поставить, а этого я делать не буду, ибо я её строил и в ней же помру. Только вот порядка в ней нет. Смотрю, за работу мне платишь?

– Само собой, – Жасмин не могла смекнуть, к чему он клонит.

– У меня силы уже не те, а как пять лет назад умерла моя хозяйка, так никто здесь не прибирался. Давай так, ты ведь баба, выходит, более-менее умеешь вести хозяйство. Стало быть, наводишь у меня порядок, а я делаю для этих негодников новый улей, который ты сама установишь.

– Я согласна, – поспешно ответила Жасмин.

– Вот уж и не знаю, что у тебя так душа болит за этих засранок... – усмехнулся бортник.

Княжна набрала большое ведро воды, раскопала среди хлама метёлку, тряпку, мыло и принялась за уборку.

Она была отнюдь не белоручкой, но грязи и копоты ско-

пилося столько, что девушка только и успевала набирать новые вёдра. Пришлось перестирать и прокипятить занавески, скатерти, покрывала, постельные принадлежности, одежду бортника, выбить все половики, ибо оставить хотя бы одну грязную вещь в этом доме, значило, поставить крест на чистоте. С трудом поддалась мытью заплесневевшая посуда с присохшими остатками снеди, источавшая запах тухлятины. В конце концов, Жасмин заодно сварила для старика обед на три дня, прополосала грядки и припасла несколько килограммов овощей. Она не заметила, как умудрилась отмыть весь дом – и снаружи, и внутри – и лишь печально вздохнула, признав: перекрасить его заново и побелить наличники она уже не успеет.

На месте хибарки появился будто сам собой маленький домик, сплошь состоящий из сот, с прибранным садиком вокруг него.

Бортник лишь цокнул языком:

– Подумать только, как ты со всем управилась! Жирная, а такая проворная. Молодец! Пожалуй, мне стыдно, что я столько содрал с тебя за это. – Он протянул ей ларец с конструктором.

– Пожалуйста, объясните мне, как его правильно установить, – пробормотала княжна, вытирая лицо платком.

На обратном пути Жасмин заглянула домой. Взяв на кухне самый большой и нарядный горшочек для мёда, она направилась в сад.

Небольшие, но пышные, с тонким ароматом, цветы навевали томные мечты, словно приглашая всех влюбленных в этом мире уединиться под тенью их ветвей. Они будто обвили вокруг девушки, заставив её на миг замереть в сладкой истоме, но она тряхнула головой и начала срывать цветы. Каждый цветок будил в её сердце смутное томление, необъяснимую тоску, которой разум быстро нашёл объяснение: «Тебе-то никогда не сидеть под этим кустом и не быть ни в чьих объятиях». Эта догадка была сколь очевидна, столь по-прежнему обидна, поэтому Жасмин вдруг опустила руки, расплакалась и в ту же секунду получила по голове веткой. Она вопросительно уставилась на куст. Ветра не было, ничьи шаги не раздавались, да и присутствие какого-нибудь зверька или птички не наблюдалось – ничего, что могло бы заставить крепкий, старый куст даже шелохнуться.

– Ты на меня рассердился? – вопрос остался, разумеется, без ответа. – Как ты не понимаешь?! Твой прекрасный, яркий запах, твои восхитительные цветы... Интересно, о чём думала та садовница, когда тебя создавала? Волшебница сказала, что она ждала первенца... Представляю, как она была счастлива... Подожди, та девушка из легенды, песня о которой мне всегда нравилась. Её еще воспевали как фею всех растений... На ней было проклятье, и она нашла цветок папоротника, но отдала его... – Жасмин это показалось одновременно глупо и восхитительно, словно она вновь вернулась в детство, и все сказки ожили. – Так это была она? Но

ведь она упорхнула в долину роз! – незаметно Жасмин вновь стала обрывать цветы: история рассеяла печальные мысли, а “расследование” и вовсе увлекло. – Если мне не изменяет память, – продолжила она светскую беседу с кустом, – двести с лишним лет назад жила одна садовница, которая вывела невероятное количество новых видов растений. О ней ходило много разных слухов. Её мужем был министр почв и земледелия, который ранее вывел сорт особых олив... Значит... – девушка прижала к себе горшок, наполненный цветами, и отступила чуть поодаль. – Значит, это, действительно, были они! – она залиvisto рассмеялась от этого, в общем-то не особо ценного, открытия, и ей стало легко на душе. – Надо же! – она ещё раз окинула взглядом куст, а тот, в свою очередь, как бы забавляясь, качнул ветвями и обнажил полустертую вырезанную надпись на стволе: «А.=>Л.»

Запыхавшаяся и покрасневшая Жасмин вернулась к пчёлам. Они настороженно встретили её, но довольно зажужжали, заметив ларь, который она прижимала к груди.

– Бортник слишком стар, чтобы залезать к Вам, но он всё мне объяснил.

– Замарашка, а ты дерево нам не сломаешь? Ладно, – спохватились они, – всё равно деваться некуда! Залезай! – деловито скомандовали пчёлы и, подлетев к ней, подхватили горшочек и ларец.

Жасмин, подоткнув юбку, начала путь вверх, старясь не думать о той высоте, на которой находится дупло. Она уце-

пилась за первую ветку, сразу подозрительно хрустнувшую. Девушка закинула голову и с опаской отметила, что все ветки будто наспех вставлены в ствол и держатся до первого порыва ветра. Глубоко вдохнув, она крепче сжала вторую ветку. Её руки тотчас покрылись занозами, а по каждому нерву прошла жуткая боль: кора была абсолютно ссохшаяся, а местами и вовсе свисала тонкими лентами. Жасмин подумала, что со стороны это, наверняка, выглядит весьма забавно: толстуха, неловко карабкающаяся по хрупкому, трещащему на все лады дереву, рискующая выколоть себе глаз или попросту содрать всю кожу с тела. Как бы там ни было, она всё же добралась до нужной ветки и, насилу примостившись, приступила к реставрации улья.

– Не бойся, – начали приободрять её пчёлы, – если что-то не так, мы поправим.

Но улей никак не хотел складываться. У неё отекли ноги, и балансирование на ветке стало непосильной задачей. Поддавшись искушению, она бросила взгляд вниз и подумала, что если она всего лишь сломает шею или позвоночник, то легко отделается. «Почаще поглядывай на небеса», – прошептала она и запрокинула голову вверх. По небу проплывали огромные, вальяжные облака. Никаких ответов оно не давало, было надменно и равнодушно. Подул ветер. Его порыв оказался настолько резким, что волосы девушки растрепались, а красная лента, удерживающая их, сползла на грудь. Жасмин хаотично поправляла непослушные локонов,

пока не наступило затишье. Дабы предупредить повтор такого неприятного происшествия, она решила завязать волосы в тугий хвост, но, взглянув на доски, нашла ленте новое применение.

Через четверть часа пчёлы с возбуждённым жужжанием осматривали новый улей, вход в который украшал миниатюрный алый бантик, повязанный напоследок на потеху. Жасмин в это время, боясь сделать лишний вдох, спускалась вниз. Теперь руки дрожали ещё сильнее от усталости, а ноги не всегда сразу находили нужную ветку, на которую можно было ступить без опаски. «Главное – смотреть на небо, а не на землю», – повторила она про себя. Наконец, Жасмин встала на нижнюю ветку и, чуть помедлив, прыгнула вниз. После того, как она несколько минут полежала на траве, приходя в себя, она попросила пчёл поторопиться со сбором мёда. Они тотчас наполнили горшочек доверху.

Девушка тщательно перемешала содержимое и отправилась в обратный путь, прижимая ношу к груди так же бережно, как младенца. От горшочка исходил чарующий запах. Очень тёплый и умиротворяющий, однако одновременно настолько пленительный, что, не ровен час, можно было и голову потерять. «Пожалуй, лекарство так пахнуть не может. Этот аромат соблазнит любого. Он слишком сладострастный...» – размышляла Жасмин, старясь не дать волю своей фантазии.

– Извини, пожалуйста! – окликнул её чей-то звонкий, как

ручѐек голос.

– Кто здесь? – девушка резко замерла.

– Не бойтесь меня. Мне самой очень страшно.

Из кустов вышло странное существо: полуметровая горка, вся покрытая длинной шерстью, с огромными, как спелые персики, печальными глазами, обрамлѐнными густыми, длинными ресницами, и венком из ромашек и незабудок на голове.

– Кто Вы? – спросила девушка существо.

– Я – Лесная Царевна. Так меня называют.

– Рада знакомству. Я – Жасмин, – княжна протянула существу руку, и оно робко ответило на приветствие.

– Я видела тебя и раньше. Ты очень красивая.

Девушка потупила взор и в ответ поинтересовалась, почему вдруг Лесная Царевна решила к ней обратиться.

– У меня есть к тебе просьба. Я знаю, это большая наглость, но у меня нет другого выхода. У тебя, наверное, есть свои детки?..

– У меня никого нет, даже ухажѐра, – почему-то горько ответила Жасмин.

– Но ведь эту мазь невозможно сделать для самой себя. Я чувствую запах мѐда и жасмина. Я не могу так обманываться.

– Вы абсолютно правы. Я сделала её для своего друга. Он болен.

Лесная Царевна выразительно посмотрела на неё и хлопнулась на колени.

– Тогда ты поймёшь меня и простишь за дерзость. Я не могу выйти из леса, а жасмин здесь не растёт. А значит, я не могу приготовить эту мазь...

– Вы хотите отнять у меня горшочек?

– Нет, ни в коем случае. Я хочу попросить тебя о великой милости. Мой детёныш попал в капкан, поставленный на медведя. Его почти перерубило на две части. Это средство может помочь срастить его тельце. Пожалуйста, будь милосердной. Я сделаю всё, что ты попросишь.

Жасмин призадумалась. С одной стороны, мазь досталась ей совсем не просто, и тратить ее зря – верх глупости. С другой – вряд ли понадобится целый горшок. Да, и детеныша было жалко...

– Я вижу, в твоём сердце тоже живёт любовь. Помоги мне, пожалуйста. Если мой сыночек погибнет, я этого не переживу.

Жасмин вздохнула. Чтобы не выдать своего смутения и печали, она нарочито гордо изрекла:

– У меня мало времени. Давай сюда какую-нибудь тару. Будем спасать твоего малыша.

– Но в лесу нет горшочков. Да и мазь должен наносить тот, кто сделал. Иначе не подействует.

– Ладно, идём.

Жилище Лесной Царевны – глубокая нора, устланная ветками можжевельника – располагалась неподалеку, за огромным валуном. Несмотря на такое, скрытое от посторонних

глаз, расположение, солнечный свет проникал внутрь и освещал всё пространство. В самом дальнем углу лежала окровавленная гора шерсти, которая оказалась маленьким существом с большими, как спелые сливы, глазами. Оно тихонечко стонало. Жасмин насилу сохраняла самообладание, когда заметила, что тело малыша фактически разрублено на две части, и жить ему останется, после того как капкан разомкнётся, не больше минуты.

– Создатель, кому могло прийти в голову поставить в лесу такую гадость? Какая изощренная жестокость! – девушка облизала растрескавшиеся губы. – В любом случае, нам надо попытаться его разжать, а потом быстро намазать мазью. Малыш и так потерял, наверняка, очень много крови.

Жасмин не поняла, откуда у неё вдруг взялось столько сил, но капкан с лёгкостью распахнул свою железную челюсть и распался на две части. Она зачерпнула из горшочка мазь и принялась ею щедро смазывать умирающее создание. Оно почти затихло, и на миг девушке показалось, что все труды были напрасными, однако пальцы ощутили настойчивые молоточки пульса. Плоть буквально срослась на глазах.

– Мама, пить... – пролепетало существо.

Жасмин устало плюхнулась на пол, но, опомнившись, вскочила и заглянула в горшочек. Мази осталось на самом доньшке.

– Дай мне какую-нибудь плоскую деревяшку или лист лопуха. – Обратилась она к онемевшей от радости Лесной Ца-

ревне. Та тотчас принесла и то и другое.

Девушка положила остаток мази на лист лопуха и поставила горшочек возле детеныша:

– Держи на память. Можешь в него набрать ему водички и поить из крышки. Мне пора!

Она выскочила из норы и поспешила к Сокольничему. Солнце уже приближалось к закату, а ей очень хотелось успеть всё сделать до наступления сумерек. Не обращая внимание на одышку, она мчалась по петляющей тропинке, потом – по каменной мостовой, пока не ворвалась в дом. Там никого не оказалось, и она беспрепятственно взбежала по лестнице. Перед закрытой дверью она чуть помедлила, но, в который раз за этот день, взяла себя в руки и вошла без стука.

Сокольничий приподнялся на локтях с кровати:

– Откуда так пахнет мёдом и жасмином?

– Потому что лекарства всегда имеют резкий запах... – в этот миг Жасмин испугалась. Испугалась, что он не захочет видеть чудовище, прогонит её прочь, что мазь не поможет или её окажется слишком мало, и все старания пойдут прахом.

– Но это запах рая... Скажи, ты ангел или добрая волшебница?

– Я всего лишь Жасмин.

– Ты не можешь пахнуть иначе...

– Давай закончим этот пустой разговор. Сейчас я намажу

тебя этой мазью, и за секунду выздоровеешь.

Девушка села на край постели, извинившись за свой неопрятный вид. Его взгляд словно прожѐг её насквозь.

– Жасмин, не надо ко мне прикасаться, – она прикусила губу, чтобы ненароком не разреветься, – моя кожа, словно высохшая земля, и вся в крови. Тебе ведь наверняка противно на меня смотреть...

– Не говори чепухи... – сказала Жасмин вслух, а сама подумала, что, видимо, он не заметил её превращения. Девушка начала осторожно втирать мазь в его кожу. Она прекрасно понимала, что, возможно, от её прикосновений становится ещё больнее, поэтому, чтобы отвлечь, начала рассказывать первую пришедшую на ум сказку о стране облаков. Прикосновения к воспалѐнной коже не казались ей отвратительными или непристойными. Она старалась, чтобы каждое её движение было нежным и успокаивающим, хотела, чтобы он начал забывать о недуге.

– Осталось только нос вымазать, – рассмеялась Жасмин и в шутку нанесла остатки мази лёгким штрихом от кончика к переносице. В ту же секунду вся комната наполнилась настолько сильным запахом мѐда и жасмина, что создавалось впечатление, будто они оказались в цветущем саду. От мази пошло лёгкое перламутровое сияние, которое создавалось будто бы невидимыми малюсенькими существами, бегающими с фонариками по телу молодого человека. Жасмин и Сокольничий не успели и ахнуть, как свечение перенеслось

и на девушку. От обоих начал исходить яркий свет. Перед их глазами всё закружилось, а потом резко померкло.

Придя в себя, Жасмин соскочила с постели Сокольничего и хотела тихонечко улизнуть, но он схватил ее за изящную руку.

– Останься, – проговорил он ровным голосом. На его чистом лице появилась широкая улыбка.

Они болтали без умолку, потом долго сидели в тишине, и наконец-то, Сокольничий принял твёрдое решение: раз уж ему удалось вырваться из лап смерти, то теперь он обязан осуществить свою давнюю мечту. С восходом Солнца он отправится на ближайшей ладье на поиски собственного счастья или хотя бы самого себя. Жасмин, преодолевая невыносимую боль в груди, пообещала не забывать о нём и пожелала, чтобы удача ему всегда улыбалась.

Вернувшись в терем, девушка сразу направилась к себе в светлицу. Ей никого не хотелось видеть, однако, проходя мимо столовой, она услышала хмельной разговор своего двоюродного брата с приятелем. Они настолько громко обсуждали подробности сегодняшней охоты и прелести княжны, что она, вне себя от ярости, вбежала в зал.

– Здравствуй, сестричка. Смотри, какого жениха я тебе привёл. Охотник хоть куда! – протянул он, отрезая огромный кусок от зажаренной свиной туши. Жасмин ележно кивнула и учтиво взяла у него из рук нож. – Правильно, поухаживай за нами. Знаешь, какая она хозяйственная? – обра-

тился он к приятелю, – а чего ты такая грязная? Вообще она не оборванка, очень аккуратная.

Девушка не спеша подошла к верзиле, взиравшему на неё с нескрываемым вожделением:

– Значит, хороший охотник? – прошептала она ему на ухо. Мужчина покраснел от волнения и потянулся руками к княжне, но она виртуозно ускользнула, спрятавшись за его же спину, – замечательный охотник... – повторила она и молниеносно прижала нож к его шее.

– Что ты делаешь, бешеная? – брат сразу протрезвел и вскочил из-за стола.

– Убери её от меня! – заверещал приятель.

На Жасмин это не произвело впечатления. Она вцепилась свободной рукой ему в волосы и сильнее прижала нож:

– Страшно? А тот, кто попадает в ваши капканы, радуется? Может быть, и тебя разрубить на две части? – при этих словах верзила вздрогнул.

– Сестра, не говори о том, что не понимаешь. Его капканы очень искусные. Зверь и не мучается... Положи нож...

– Если еще раз ты или кто-то из твоих дружков провернёт одну из своих очередных дурных шалостей, я не дрогну. Помяни моё слово... – она брезгливо отшвырнула нож. Он с грохотом перекатился через весь стол и упал на пол. Она гордо пошла в сторону выхода и уже в дверях обернулась, – ах да, и не смей мне больше подсовывать этих свиней. Лучше подохнуть старой девой, чем выйти за такого.

Захлопнув дверь, Жасмин на миг застыла, а потом бросилась со всех ног в светлицу. Там она заперлась, а затем, словно поражённая невидимой стрелой, качнулась и подошла к сундуку с рукоделием. На ощупь она отыскала моток ниток, иглу и ткань. Потом села поближе к окну, не глядя, вставила нить в ушко и, откинув назад растрёпанные волосы, сделала первый стежок.

День шёл за днём. Ночь еле попевала за другой ночью. От Сокольничего не было никаких вестей. Жасмин посылала ему несколько весточек, но они оставались без ответа, а может, просто не долетали.

«Странное дело, – думала она, – я снова не могу его ненавидеть. Мне очень больно, одиноко, тоскливо, я сержусь, но больше всего на свете хочу, чтобы с ним ничего не приключилось, и все беды обошли стороной!»

Ей ничего не оставалось, кроме как в тысячный раз пытаться найти применение всем своим способностям и вновь отстроить уклад жизни. Сложно сказать, увенчались ли ее старания успехом, но во всём княжестве и его окрестностях не было более прекрасной и трудолюбивой девушки, чем она.

Однажды в тереме был пир. Праздновали день рождения одного из её дядьев. Столы ломились от изысканных и обильных яств, запах хмеля пропитал собою всю округу, а от громкой музыки и топота ног, подпрыгивающих в задор-

ных танцах, покачивалась земля. Стемнело. Во дворе развели костры, а веселье всё не унималось.

Жасмин сидела рядом с родителями в новом платье малинового цвета. При весьма скромном фасоне оно смотрелось на ней настолько мило, что ни одна женщина в самом соблазнительном и вычурном наряде не могла с ней сравниться. Её уже порядком утомило, что все мужчины, начиная от самых почётных гостей и заканчивая слугами, без устали пялятся на неё во все глаза, проливая вино и пронося куски блюд мимо рта. А один молодой человек, качаясь, встал со своего места и, выразительно икнув, громко прокричал:

– Выпьем за первую красавицу этого мира – прекрасную Жасмин. Готов поспорить на свою правую руку: такую женщину сам Лель не отказался бы иметь в своём гареме.

Со всех сторон раздались обидные комментарии по поводу внешности девушки, её достоинств и того, какой женой ей будет под стать. В конце концов, гости остановили свой выбор, на присутствовавшем на пиру Макупе, отличавшемся всеми необходимыми для завидного жениха качествами. Молодой человек даже доблестно попытался подойти к княжне и заявить на неё права, но она приняла решение не дожидаться унижительного продолжения, наспех извинилась и вышла из зала. Не желая быть обнаруженной кем-либо в течение ближайших часов, она отправилась в библиотеку, предположив, что чтение может отвлечь её от крайне неприятного чувства: каждый из комплиментов, сказанных

сегодня, мог бы с таким же успехом быть обращён к молодой племенной кобыле, купленной за немалую цену.

В библиотеке было очень темно и прохладно. Плотные занавески не давали лунному свету и шанса проникнуть внутрь. Жасмин юркнула сквозь них, как через занавес, к окну и несколько минут просто смотрела вдаль. Она с самого детства наизусть знала расстилавшийся перед ней пейзаж. В нём не было ничего пугающего или неизвестного, он только немного менялся в зависимости от времени года и обычного хода жизни. Порой, словно из-под земли, как гриб, появлялся новый домик с ажурной крышей. Иногда показывались ладьи с яркими парусами, издалека напоминающие гордых лебедей. А иной день, внезапно зацветало какое-нибудь растение, или же дерево резко выросло за ночь и жадно, пробиваясь сквозь кроны своих товарищей, тянулось к облакам.

Жасмин всматривалась в эту живую картину и пыталась думать о чем угодно, хоть о том, сколько комаров можно ожидать грядущим летом, лишь бы не изводить себя бесконечными сомнениями и укорами. Может быть, она вовсе не права? Стоило не убежать из зала, а дать Макупу шанс? Кто знает, может быть, он и есть тот мужчина, который ей нужен? Всё же у него столько достоинств, их все признают. Может быть, он сумеет её полюбить? Девушка упёрлась лбом в стекло, безнадежно глядя в никуда. За всё время она так и не смогла себя в чём-то убедить окончательно. Всё представлялось одинаково глупым и изначально обречённым на провал.

Вздохнув, Жасмин покинула укрытие, зажгла небольшую свечку и стала изучать знакомые с рождения книжные полки. Все книги были давно прочитаны, но внезапно всегда мог попасться на глаза новый том или возникнуть порыв перечитать особо приглянувшиеся отрывки. Со вздохом с полки была извлечена книга сказок.

Жасмин нехотя перелистнула хрустящие страницы и задержала взгляд лишь на картинке, изображавшей Птицу и Птицелова.

– Птица, полюбившая Птицелова... А не дошла ли я до этого кошмара? – пробормотала она.

В эту же секунду книга выпала из рук девушки, а сама она провалилась в длинный, тёмный тоннель. Её несло по нему как пушинку, подкидывая то вверх, то вниз, а то и вовсе в разные стороны света. Она тщетно пыталась балансировать, но невидимая воронка затягивала. Горло свело судорогой от слишком сильного потока воздуха. Внезапно княжна со всей силы шмякнулась на что-то мягкое.

С трудом отдышавшись, Жасмин поняла, что приземлилась в центре огромной кровати. Она не имела ни малейшего представления, что стоит предпринять в такой двусмысленной ситуации. Глаза привыкли к темноте. Комната оказалась полна вычурных предметов роскоши. Девушка провела рукой по бархату покрывала. Что же это за место? Кто его хозяин?

Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась, и на по-

роге, сжимая в левой руке огромный подсвечник, показался высокий мужчина с длинными волнистыми волосами пшеничного цвета. Отсветы огоньков играли на лице, подчёркивая его идеальные черты: высокий лоб, глаза насыщенного синего цвета, длинный прямой нос, резкие скулы, пухлые губы и твёрдый подбородок. Тонкая льняная рубашка и грубые штаны скорее демонстрировали, чем скрывали мускулистое тело.

Жасмин опешила. Незнакомец был настолько прекрасен, что мог быть воплощением любой девичьей грезы. Невольно возникал вопрос: живой ли это человек?

Мужчина томно улыбнулся и удовлетворённо оглядел пленницу:

– Значит, правду про тебя говорили.

Он осторожно приблизился к постели. Каждое его движение было подчинено слаженной работе крепких мускулов. Ничто не могло поколебать его идеальность.

– Само совершенство...

От этих слов у Жасмин почему-то возникло чувство, что незнакомец вовсе не собирается её ни к чему принуждать. В его взгляде не было ни желания, ни трепета, а только интерес, как к дивному зверьку.

Мужчина поднёс подсвечник поближе к ее лицу, довольно вздохнул и ещё раз повторил:

– Само совершенство...

– Спасибо большое за приятные слова, но мне бы хотелось

знать, кто Вы такой и как я сюда попала? – набравшись смелости, поинтересовалась княжна. Ей не хотелось сразу закатывать истерику или устраивать скандал: на всякий случай лучше не злить похитителя.

Незнакомец поставил подсвечник на прикроватный столик и поправил волосы. Причём это было сделано так, чтобы девушка оценила его накаченные руки.

– Простите, я не хотел тревожить Вас до утра, дабы Вы могли выспаться и предстать предо мной на рассвете во всей красе. Но не удержался. Слишком долго я искал такую, как Вы, – он расплылся в лукавой улыбке и выпрямился так, чтобы она смогла ещё раз полюбоваться мускулами на его груди и светлыми курчавыми волосами, проглядывающими сквозь вырез. – Прекрасная княжна Жасмин, разрешите представиться, я – великий кудесник и воплощение красоты этого мира Лель.

– Очень приятно... – девушка с трудом сглотнула, но постаралась ничем не выдать своего страха.

– А теперь прекрасных снов, моя красавица, – он учтиво поцеловал ей руку. – Завтра на рассвете я с Вами обо всём поговорю.

Лель ещё раз удовлетворённо окинул её взором и вышел, теперь уже всячески демонстрируя свою красоту со спины.

Жасмин тихо застонала от отчаяния. Она с ужасом оглядывалась по сторонам, сожалея о том, что теперь осталась в большей темноте, чем в момент приземления. Свечи, пода-

рившие на миг лишь иллюзию света, только глумливо озаряли дорогую позолоченную мебель, огромные гобелены, кое-где проглядывающие фрески, ошеломительно искусную кованую решетку на окне – будто веночек железных роз – потолок, обитый резными дубовыми панелями, бархат и шелка (которыми оказалась задрапирована вся комната), .

– Почему... – всхлипнула Жасмин, с некоей безысходностью припоминая тост одного из гостей, – почему он это услышал? Что же мне теперь делать?

О Леле шла скандальная слава. Никто не мог припомнить точно, когда и где он появился впервые. По слухам он долгие годы кочевал с места на место, пока окончательно не осел на границе трёх княжеств. Именно с этого момента о нём впервые заговорили громко и с ужасом. Обвиняли во всех грехах, но доподлинно не могли поймать ни на чём. Точно было известно, что при одном взгляде на него все женщины начинали сходиться с ума от вожделения. Еще он оказался волшебником-недоучкой без каких-либо способностей, но пытающийся применить свои знания при каждом удобном и неудобном случае. Из-за него вместо спелых ягод созревали ядовитые конфеты, вода в озёрах становилась пунцовой, а мыши вдруг упёрто начинали атаковать кузнецов. Эти дурные шалости ещё как-то можно было извинить, ведь не перевелись ещё настоящие кудесники (хотя стоит заметить, иные заклинания он извращал настолько, что их приходилось разгадывать по пять лет). Невозможно было простить то, что он забирал

у женщин сердца и складывал их в свой огромный сундук, находящийся на самой высокой башне. Никто не видел, но каждый ручался: у него был целый гарем из пятисот девушек. С ними он вытворял мерзопакостнейшие вещи и никак не мог насытиться, поэтому без усталости пополнял свою коллекцию первых красавиц. Знали ещё то, что Лель был красив и безумно богат – это он демонстрировал всякий раз выходя на люди. Повстречать его на своём пути было сходно настоящему бедствию, а для любой женщины и гибель была бы лучше.

Жасмин подошла к окну, чтобы оценить шансы на побег, но, как и ожидалось, комната находилась на много-много метров выше самого высокого дерева в округе. Девушка взглянула на небо, усыпанное звёздами, и потихоньку успокоилась. Всё же Лель сразу не накинулся на неё, а любезно навестил и пообещал утром побеседовать. Значит, он задумал нечто иное, чем насилие. Кто знает, может быть, завтра удастся выяснить истинную цель странного похищения? Она решила пока не вступать с ним в споры. Покорность на словах может лишить его бдительности, а вот склока наоборот навести на мысли, которых прежде и не было. После долгих блужданий по комнате она устало прилегла на ложе и уснула.

Её разбудили лучи восходящего Солнца. Спросонья Жасмин довольно улыбнулась, почувствовав себя маленькой жительницей леса, проведшей ночь в чашечке огромного цветка. Но через мгновение горестно вздохнула: хоть перина див-

но мягка, но находится она в башне самого Леля.

Девушка подошла к фарфоровому тазику, сразу по волшебству наполнившемуся душистой водой. Опустив указательный палец в жидкость, она не заметила ничего подозрительного. Пожав плечами, княжна привела себя в порядок и гордо села на скамью, ожидая похитителя. Мысленно она продумала ещё раз все возможные варианты действий. Вполне возможно, Леля всё же удастся уболтать, и он ненароком выдаст секреты своего дома.

Время шло, а про Жасмин словно забыли. Но, оказалось, для Леля рассвет наступает в полдень. Именно в это время, в самый разгар дня, он вновь появился на пороге её комнаты и, пожелав доброго утра, пригласил разделить с ним завтрак.

Княжна с нарочитой покорностью спустилась за ним в столовую. Убранство мало чем отличалось от её спальни, вот только в углу был бассейн с фонтаном. В центре стоял роскошно накрытый стол, ломящийся от вин, фруктов, ягод и сластей.

– Вижу, Вы восхищены, моя прелестница, – выдохнул Лель.

– Да, очень впечатляет.

– Ах! Садитесь поскорее угощаться, – он взял её за руку и подвёл к столу. – Выбирайте себе место.

– Но я не знаю, где Вы определили его для меня.

– Шутница. Не сомневайтесь, самое почётное.

Жасмин как можно церемоннее села на ближайший стул,

гордо взяла с тарелки салфетку, сложенную в форме лебедя, и разложила на коленях. Ей очень хотелось поскорее приняться за еду, но вначале следовало выяснить, не подсыпал ли Лель дурманящего зелья. Он словно прочитал её мысли и, усевшись напротив, ласково молвил:

– Не бойтесь. Еда не отравлена, да и лишать Вас рассудка я не собираюсь. Нет ничего привлекательного в одурманенной женщине. Угощайтесь на здоровье!

– Я так и не думала, – покраснела Жасмин.

– Только руку протяните.

Девушка последовала совету. Тотчас блюда с яствами поднялись вверх и, словно лошадки на карусели, поплыли по кругу. Графины с вином предусмотрительно наполнили бокалы.

– У меня здесь нет прислуги. Только стража во дворе. Суета – это так безобразно, – Лель вздохнул и томно провёл левой рукой по груди. – Вы так красиво едите. Да, Вы совершенство во всех отношениях. Как же я буду счастлив, когда Вы станете моей...

Девушка отпрянула от фруктов, словно их изъели черви.

– Какая же Вы пугливая, прелестница. Я не собираюсь брать Вас силой. Насилие уродливо. Впрочем, и по согласию... Я считаю, что нет ничего отвратительнее самого акта любви, почему-то настолько превозносимого людьми. Эти нелепые позы, пугающие искаженные лица воплощают переходящее наслаждение, в котором нет ни красоты, ни изяще-

ства. Простая животная дикость. Пот, стоны... Фи! – с этими словами Лель передёрнулся, будто поражённый неведомой судорогой. – Давайте больше не говорить об этом глумлении над прекрасным. Тем более Вы олицетворяете самое сказочное сочетание: невинны, но не наивны. Судя по Вашим глазам, Вы многое пережили.

Жасмин это мало успокоило – стоит ли говорить, что сама мысль о том, что Лель даже просто её коснется, была противна, но что же ожидать от этого безумца?

– Ничего не имею против и даже поддержку. Только я не до конца понимаю, зачем Вы меня похитили? Не сомневаюсь, Вам не нужны ни власть, ни выкуп.

– Я ждал, искал такую, как Вы, много лет. Я жажду сделать Вас своей, чтобы Вы были подле меня каждый день, я любовался Вами. Все знали, что ни у кого нет такой прекрасной жены.

– Но ведь, насколько известно, у Вас есть целый гарем... – Жасмин пригубила вино, надеясь, что оно поможет немного прийти в себя.

– Ха! У меня только три жены. И все три оказались испорченными. Если Вы выслушаете меня, то поймете и согласитесь с моим искренним предложением, – вздохнул Лель.

Жасмин пожала плечами. Ей в общем-то не было никакого дела до страданий этого безумца, но было ясно, что от жалостливого рассказа всё равно никак не отделаться. Лель горестно вздохнул, приняв это за одобрение, и начал:

– Ещё когда я был учеником одного великого кудесника, имени которого сейчас и не припомню, я понял: волшебство не представляет для меня никакого интереса. Всё это – обычный нечаянный всплеск в сравнении с истинным чудом: совершенной красотой. Будучи от рождения самым красивым мужчиной, я искал женщину себе под стать. Я мечтал, как вдвоем мы воплотим в себе всё великолепие этого мира. Я долго искал такую и наконец-то нашёл. Моя первая жена... Идеал. Пример чистой, незапятнанной, роскошной красоты. Так мне казалось. Тем больше после свадьбы было обнаружить всю иллюзорность моих чаяний. Она не знала ни в чём меры: не ела, а обжиралась, не пила, а напивалась, считала, что нет ничего зазорного в том, чтобы, не умывшись, улечься в чистую кровать. Неряха, грязнуля... Да еще пара-тройка противных вещей. В общем, уже на следующий день после свадьбы я понял: она уродина.

– Вы решили попытать счастье во второй раз?

– Да, я решил взять себе вторую жену. На этот раз я был зорок как сокол. Мне думалось, что меня уже не провести. Но как выяснилось...

– На следующий день?

– Именно. Её интересовала только внешность. Она часами вертелась перед зеркалами, ни один наряд не надевала дважды...

– Насколько я поняла из сказанного Вами ранее, это скорее достоинство.

– Но она всё время переделывала себя.

– Переделывала?

– Именно. Через год у неё ничего не осталось своего. Даже кожу она полностью заменила. Я так и не понял, как она на самом деле выглядит... – Лель тихонечко всхлипнул, демонстрируя, какой урон был нанесён его тонкой душевной организации. А также дал понять, что такие раны никогда не затягиваются.

Жасмин, снова рискуя показаться невоспитанной, перебила собеседника:

– Как я понимаю, Вы решили сделать третью попытку обрести семейное счастье, которая также оказалась провальной. Ваша супруга отличалась от предыдущих лишь пороками.

– Да, – воодушевленно подхватил Лель. – Вначале, правда, всё шло гладко... Я был на тысячном небе от счастья. Однако потом... – его голос стал тише, – для меня был странным её поступок, ведь он разрушил сразу всё, что появилось между нами... Она выпила какой-то отвар и...

– Да, это, действительно, ужаснее, чем проступки предыдущих избранниц. Не расстраивайтесь, – на какой-то момент девушке даже стало жалко своего похитителя.

– Знаете, что в её поступке было самым отвратительным? То, что она отказалась приумножить нашу красоту. Представляете, каким оказался бы мой наследник?! После этого я зарёкся иметь дело с женщинами, но невольно всё же при-

смастривался к каждой из встречаемых, ища свой идеал. Воплощённое совершенство. Прослышав о Вас, я понял: наконец-то, настал момент истины. Я слушал бесконечные рассказы о Вас и убеждался в истинности своего выбора. Вы восхитили меня. Оставалось лишь дожидаться удобного момента. А сейчас я покорён Вами, но всё же не перестаю удивляться тому, как у Ваших родителей могли родиться две совершенно разные дочери: первая – красавица и вторая – отпетая уродина?!

– Но у меня нет сестры...

– А та жирная, что учит детишек, захлёбывается словами, и про которую ходят самые невероятные слухи? Она Вам не сестра?

– Нет, не сестра.

– Я, видимо, что-то путаю.

– Нет, видимо, Вы не поняли. Это я.

– Как Вы?

– Еще несколько лет назад я была настоящим страшилищем.

– Но как Вы смогли так измениться? Что за колдовство? – Лель вскочил из-за стола и заметался вокруг фонтана. – Как я мог так ошибиться?

– Я ничего не делала. Волшебница из страны облаков изменила мой облик.

– Подождите, про ту девушку говаривали, что она умудрилась в целостности уйти от болотной колдуньи, поговорить с пти-

цами, побывать в стране облаков и исцелить кого-то...

– Я не исцеляла. Я просто сделала нужное лекарство.

– Но гордая, недоступная красавица, которой ни один жених не оказался под стать... Даже не дерзнул попытаться завоевать её сердце.

– Мне не хотелось бы делиться с Вами историей своей жизни, но, хоть и с преувеличением, основные моменты недавних лет Вы перечислили верно.

– Не может быть...

– Я не в силах что-то доказать, но могу описать домик бо-лотной колдуньи.

– Кошмар! Значит, я ошибся... Как так можно? Но ведь все воспевали Вашу красоту. Про Вас говорили, что за один взгляд на Вас можно глаз отдать, а за ночь – целую жизнь, – Лель чувствовал себя одураченным, причём самим собою.

– Я твёрдо убеждена, что они и в этом ошибались. Я во-все не такое большое сокровище. Вы ведь меня отпустите теперь? Видите, это недоразумение.

– Хм... – по лицу Леля было заметно, как он сильно взволнован. – Давно живёт во мне одна задумка... А на что они способны ради совершенства? Какова цена столь желанной и прекрасной женщины? Насколько их хватит?.. Насколько сильна их мечта? Поможет ли она преодолеть мои препятствия? Пусть для меня Вы – червивое яблоко, но для них... Да, решено, Вы останетесь у меня до тех пор, пока какой-ни-будь поражённый Вашими прелестями смельчак не вызволит

Вас. Ну или пока Вы не состаритесь.

– Что? Я не собираюсь...

– Будете жить в роскоши и достатке. Вы всё равно прелестны. Я не собираюсь сажать гордую лилию в заросли ко-
ровяка, – Лель довольно улыбнулся.

– Пожалуйста, отпустите меня, ведь ко мне никто не придёт.. Нет такого мужчины, – Жасмин бросилась к Лелю и схватила его за запястья, словно так могла удержать от рокового решения.

Он впервые заглянул ей в глаза, и она съежилась под абсолютно бездушным, пустым взглядом:

– Хм! Но кого-то Вы точно ждёте...

– Хотя бы обозначьте срок – месяц или два – по истечении которого меня отпустите! – прокричала Жасмин, ибо слова Леля дрожью отозвались в её груди.

– Я же сказал: либо Вас освободят, либо уйдете отсюда старухой. Я не буду чинить никаких препятствий. Мой удовлетворённый интерес будет выкупом, – сухо парировал Лель и, помедлив, добавил, – Не думайте сбежать, всё равно одна Вы отсюда не сможете выйти – я всё для этого сделал. То же касается и лица. Если полагаете, что я не сумею устранить глубокую рану или ожог, то ошибаетесь.

Жасмин выпустила его руки и горько заплакала.

– Даже рыдая, Вы прекрасны. Возвращайтесь к себе в башню. Если что-то понадобится, сразу говорите мне. – Он гордо выпрямился, демонстрируя ей ещё раз всю свою красоту,

как селезень перед уточкой.

Не прошло и часа, как все знали: княжна Жасмин томится в плену у коварного Леля и ждёт минуты, когда кто-нибудь отважится её освободить. Спустя секунду князь предложил злодею огромный выкуп, который тот отверг. Ничего не оставалось делать, кроме как, по старой традиции, посулить спасителю её руку и сердце, полкняжества, обещание сделать наследником и богатое приданое.

Заслышав про это, Лель радостно потёр руки и лично сообщил весть узнице.

Через несколько дней у ворот замка своего коня прищпорил Макуп. В сознании Жасмин пронёсся восторженный вихрь: значит, она на пиру ошиблась в нём.

Она с трепетом стала наблюдать, как он спешился, вынул из ножен меч, распахнул ворота и с победным, гордым кличем застыл на пороге. Следующие несколько секунд, как ей показалось, растянулись до бесконечности: самый бесстрашный и отважный воин во всём княжестве попятился назад и спиной ударился о круп собственного коня. Взвизгнув, он разразился страшными проклятиями и бросился наутёк.

Жасмин в ужасе прижала ладони к щекам: что же задумал её похититель, если такой храбрец спасовал перед чарами. Она была не в силах заставить себя отойти от окна, поэтому ей пришлось наблюдать до самого конца, как герой-победитель молниеносно бежит к лесной чаще, а преданный конь лениво следует за ним.

– Первый блин комом? – за спиной послышался разочарованный, но всё же бодрый голос Леля. Он встал подле неё и ободряюще шлёпнул по заду. – Зато мы теперь точно знаем: есть смельчаки, готовые пойти Вас вызволять.

– Что Вы задумали? – отчуждённо спросила девушка.

– Секрет. Вряд ли тебя порадуют картинки испытания. Оно сурово и беспощадно. Мне самому противно было его сочинять.

– Как быть? – Жасмин ушла в другой угол комнаты и села на скамью, – мои родители, наверное, с ума сходят?

– Не без того, моя прелестница. Но будем ждать, как развернутся события. Улыбнитесь, в конце концов, я вовсе не так страшен, как обо мне говорят, – Лель как бы невзначай закатал рукава рубахи, желая продемонстрировать красоту своих рук. – Кто знает, может быть, благодаря мне Ваш избранник придёт к Вам.

Жасмин не отреагировала на его фразы. Она, словно в трансе, начала заплетать косу и тотчас распускать.

– У Вас шикарные волосы: такие прекрасные, тёмно-медные переливы и эта благородная волна...

– Мне надоело слушать про то, как я прекрасна, и прочий вздор. Если бы я была действительно такой, то всё было бы иначе, – огрызнулась она.

– Я же не могу упустить шанс узнать, как оно будет. В этом – смысл моей давней задумки, которую Вы поможете мне осуществить, – Лель сжал губы и нахмурился. – Можете

бродить по моему замку, если Вам так будет веселее.

– Всё было бы гораздо проще, оставайся я чудовищем.

Отныне каждый день перед замком Леля разворачивалась одна и та же картина: очередной претендент на княжество и приданое доблестно отворял ворота и через секунду улепётывал, как заяц от лисы. В первое время Леля это забавляло, а потом стало приводить в ужас, тем более его утончённый слух никак не мог привыкнуть к самым отборным ругательствам и оскорблениям. Особенно его поражало то, что большая часть из них касалась вовсе не его, а княжны. Ее обвиняли в распутстве, а иные умники даже гордо заявляли, что не желают спасать женщину, которая с радостью отдалась развратнику Лелю.

– Вот это уже подлый поклеп! – как-то пожаловался он ей, пригубив у окна бокал вина. – Как можно меня подозревать в увлечении такими низменными удовольствиями?

– Вот уж не знаю... – зло прошипела Жасмин.

– Словно сказок никогда не слышали. Это даже не соответствует традиции, – он залпом опрокинул остатки содержимого бокала в рот и захлебнулся в кашле. Княжна со всей силы постучала по его спине, еле сдерживая смех: не понятно, кто здесь истинный глупец и безумец.

Жасмин вовсе не нравилась новая жизнь в замке. Лель сдержал своё обещание. Она была гостьей, а не пленницей. Но разве от того, что темница роскошно обставлена, она перестаёт быть темницей? К тому же девушке сильно докучали

жены похитителя.

Три ослепительные блондинки со скверным нравом, при- торно-елейные, капризные, ленивые, невоспитанные и бес- сердечные, они дни и ночи грызлись друг с другом и с мужем. Они приняли княжну настороженно и ревниво, но вскорости смекнули: она им не соперница. Жены стали бесцеремонно вваливаться к ней в комнату – вместе и по отдельности – жа- луюсь друг на друга и на Леля. Девушка не могла не признать, что каждая из них была создана для хозяина замка.

В конце концов, терпение Леля лопнуло. Он посадил Жас- мин под замок, для верности поставив вторую дверь изо льда, сквозь которую мог пройти лишь он сам.

– Зачем Вы это сделали? – княжна была в гневе. – Я вовсе не подговариваю Ваших милых жён против Вас!

– Хочу оградить от их общества. Я вовсе не желал и не желаю истязать Вас, а от этих кровососущих тварей можно всего ожидать. Ещё заболеешь или умом тронешься от их воплей и стенаний, – в голосе Леля одновременно звучали забота и досада. – Стоило только похитить Вас, как я вмиг лишился красоты покоя и мелодичных, чуть чопорных, вы- ражений. Эти кикиморы взбесились ещё сильнее! Видите ли, наконец-то, они могут хоть кому-то на меня пожаловаться! Под окнами звучат бранные слова...

– Так отпустите меня домой, – перебила Жасмин.

– Нельзя. Уже нельзя. Я должен довести всё до конца, – он покачал головой, и волосы рассыпались по его плечам. –

Думаете, мне самому это не надоело?

– Раз уж мне теперь надо сидеть здесь безвылазно, дни и ночи напролёт, то не могли бы Вы принести мне какое-нибудь рукоделие? Книг я у Вас не нашла. Так может, есть моток ниток и спицы?

– Очень надо?

– Терпеть не могу сидеть без дела! – Жасмин готова была топтать ногами от глупости хозяина замка.

– Ладно, погляжу. Может, чего найду... Книжки! Надо же... – пробурчал Лель и удалился.

Через несколько часов он принёс прялку и огромный мешок красной шерсти, коей у него было в избытке после одного неудачного заклятья.

Жасмин устроила себе рабочий уголок у окна и начала прясть нити, периодически поглядывая на облака. Теперь каждый её день проходил в однообразном труде, отчего становилось легче: время бежало гораздо быстрее.

Когда подле ограды замка появлялся новый герой, Лель поднимался к ней в башню и наблюдал за ним.

Жасмин никогда не думала, что можно ни за что получать столько оскорблений в свой адрес, но в какой-то момент ей стало всё равно. А вот Лель придерживался иного мнения:

– У этих людишек нет ничего святого! Они портят весь эксперимент. Представляешь, какой у них главный аргумент в проклятьях и поклёпах? Твоя красота! Ты потаскуха, потому что красавица! Ничего не понимаю. Почему они мешают

красоту с грязью?

Жасмин в ответ лишь вздыхала и возвращалась к рукоделию.

– Ах, – Лель с восхищением окинул взглядом ее стан, – вот бы мне не знать о Вашем прошлом...

– Вряд ли это что-то бы изменило.

– Видимо, и вправду, нет никого, кто бы на тебя позарился... Или... Говорят, что если сердце женщины занято, то может светить только для одного.

Княжна не удостоила реплику ответом. Сердце сжалось. На самом деле, каждый вечер девушка, вглядываясь в облака, молила о том, чтобы за ней пришли. К сожалению, грезилла она не о таинственном незнакомце. Был лишь один мужчина, которого она ждала, несмотря ни на что и вопреки всему.

– Я знаю, что ты порой плачешь, а также, – продолжил Лель, – знаю причину. Ты ведь убиваешься не из-за того, что я тебя здесь запер. Для тебя это меньшее зло. Я был прав с самого начала. Хм! Мне страшно представить, что будет, когда он сюда зайвится.

– Он не придет. – Горько прошептала Жасмин.

– Глупая. Ты так сильно его зовёшь. Рано или поздно он откликнется на зов. Помяни моё слово.

– Столько времени прошло...

– Любовь не знает времени. Она бесконечна. По крайней мере, так меня учили.

Лель потянулся и вальяжно прошёл мимо княжны. Она и глаз на него не подняла, решив, ни за что на свете не выдавать своего отчаяния.

А тем временем Сокольничий продолжал захватывающее путешествие по дальним странам и даже умудрился сколотить небольшое состояние на морской торговле. Он уже немного разочаровался в жизни удачливого скитальца. Молодой человек мечтал о том, как вернется в родное княжество, купит дом, водяную мельницу и доли в различных торговых кампаниях. Однако осуществить это он никак не мог решиться и ждал какого-нибудь знака. Сокольничий не мог признаться себе в истинной причине постоянных отсрочек: он не мог забыть прекрасную княжну и предпочёл скорее всю жизнь провести, блуждая по морям и не давая о себе знать, чем продемонстрировать ей свою никчёмность.

В один из вечеров, погружённый в свои нерадостные мысли, он стоял на палубе и бесцельно смотрел на маленькие изумрудные волны. Вдруг ветер донёс до него разговор двух матросов:

- Я вот думаю всё же попытать счастья.
- Тебя не смущает, что она живёт с Лелем?
- Какая разница? Её отец обещает полкняжества, богатое приданое и право наследования любому, кто освободит его дочь.
- Говорят, она редкая красавица... – услышав это, Со-

кольничий вздрогнул.

– Пусть хоть уродина с кривым лицом! Я же сказал, что за неё обещано.

– Извините, господа, я случайно подслушал ваш разговор, – Сокольничий не выдержал и вклинился в беседу; он должен был убедиться, что речь идёт именно о Жасмин. – Что это за история?

– Вы разве не слышали? Лель похитил одну княжну. У неё цветочное имя...

– Роза? Нет... Лилия? Ирис? – начал вспоминать второй матрос.

– Жасмин. Ее зовут Жасмин. Он держит её у себя в башне и клянётся, что тотчас отдаст тому, кто сумеет проникнуть в замок.

– Каждый день кто-то подъезжает к воротам и в страхе убегает, независимо от сословия и личной доблести.

– Да, говорят, там настолько страшно, что все вмиг забывают о последующих наградах.

– Не скажи, цена высока.

– Спасти её из лап этого безумца – уже высшая награда! – гневно воскликнул Сокольничий.

На рассвете он сошёл на берег и отправился к замку Леля с непоколебимым желанием во что бы то ни стало освободить Жасмин из позорного плена и вернуть родителям. Он ничуть не кривил душой перед матросами: ему была нужна лишь одна награда: видеть её свободной.

Он долго шёл, преодолевая зыбучие пески, высокие горы, опасные скалы, густые, темные леса, большие города и ещё тысячи самых разных препятствий. Часто, сверяя свой маршрут, он поглядывал на небо и невольно вспоминал о стране облаков. Порой ему даже мерещился голос Жасмин, очень нежный и ласковый. Ему было очень страшно, ибо не знал, с чем предстоит справиться, и каким образом можно будет освободить княжну. Иногда на ум приходили и вовсе непотребные мысли: может быть, она ждёт кого-то другого, своего возлюбленного: красивого, храброго, умного... Она рассчитывает на него, а тут совсем некстати заявится он, Сокольничий, которого она когда-то по своей доброте исцелила от ужасной болезни. Или того хуже: вдруг ей глянулся сам Лель? Он успокаивал себя только тем, что, когда они выберутся из замка, он сразу объяснит: ему не нужна никакая награда, он сделал это от чистого сердца, ради неё самой.

Наконец, настал день, когда он оказался возле дерева – дома диких пчел. Заметив так и не выцветший бантик, он вспомнил о ленте, когда-то украшавшей её волосы.

– Как же ей шёл этот алый цвет... – подумал он вслух.

– Кому? – отозвались любопытные пчёлы, вынужденные из-за сырости и непрекращающегося проливного дождя, не высовываться из дупла. Они порядком поднадоели друг другу и маялись от скуки.

– Княжне Жасмин. Когда-то у неё была точно такая же лента, – откликнулся он, втайне надеясь выведать у пчёл что-

нибудь полезное. Всё же они везде летают и многое видят.

– Она нам её и подарила! Ещё до того, как её похитил Лель.

– Как подарила?

– Это долгая история, – Пчёлы готовы были лопнуть от нетерпения, ибо они чувствовали, что сейчас они узнают кое-что интересненькое. – Главное, что она не побоялась залезть на это дерево и сложить для нас улей. Еще и украсила его бантиком.

– Ничего не понимаю... – Сокольниковичий почесал затылок. С какой стати ей было вмешиваться в дела диких пчёл?

– Слушай, – улей уже гудел от нетерпения, – а ты не тот парень, ради которого она сначала отправилась к болотной колдунье, из лап которой ухитрилась вырваться, потом побывала в стране облаков, вновь стала уродиной, добыла для нас улей, чтобы мы дали ей мёд для лекарства?

– Не понимаю, о чём Вы говорите? – Сокольниковичий ухватился за дерево.

– Об этом знает весь лес, все птицы, звери и растения, да и в народе кой-какие слухи ходят. – Пчёлы торжествовали: они получили ответ на свой вопрос и при этом сумели поудачить с непосредственным участником событий.

– Сплетницы, как вам не стыдно! – позади Сокольниковичего прозвучал неестественно высокий женский голос. – Вместо того чтобы подсказать, как победить Леля, вы пытаетесь выведать то, про что вам и знать-то не положено.

– А он хочет её освободить?

– Иначе и быть не может, – Лесная Царевна встала перед Сокольничим.

– Здравствуйте... – мужчина изумлённо поклонился в пояс. – Как Вы догадались?

– Да тут все мужчины этого хотят! – прожужжали пчелы, но Царевна шикнула на них.

– Глупые пчёлы, они хотят не освободить её, а получить награду. Но у тебя на сердце совершенно другое, – она хлопнула своими длинными ресницами.

– Я не знаю, что сказать... – Сокольничий окончательно ступешивался.

– Именно поэтому я и пришла к тебе. Ты единственный можешь её освободить. Лель не коварен, он просто потакает каждой своей прихоти. Из-за этого его непросто одолеть.

– Я как раз думал, как мне вызволить её, – в его глазах блеснула надежда. – Я уже привык сражаться на воде, избегать опасностей на суше, но как здесь быть – не знаю.

– Я тебе помогу. Кроха, иди сюда, не бойся!

Из кустов выбрался сын Лесной Царевны. Он был забавно неуклюж, как маленький медвежонок, но крепко сжимал огромные лук и стрелу.

– Возьми их. Ты должен попасть в правое плечо Леля. Он не умрёт, но окажется повержен, – она взяла оружие из лап малыша и торжественно преподнесла Сокольничему.

– Благодарю. Что я могу для Вас сделать?

– Освободи её! – хором ответили Лесная Царевна, её сын и пчёлы.

– Но...

Лесная Царевна сжала своей лапкой его руку:

– В тот день она помогла не тебе одному. Жасмин поделилась чудной мазью с моим умирающим малышом. Благодаря ей он сейчас со мной. Стоит ли говорить, что это значит для матери? Мы все расстроились, в том числе и эти негодницы, узнав о постигшем её несчастье. Я и мой малыш молились, чтобы ты поскорее пришел. Не теряй больше времени! Иди за ней и ничего не бойся!

Сокольничий не ожидал, что будет подходить к замку Ле-ля безо всякого страха и трепета. Он крепко сжимал заветные лук и стрелу: неужели он и вправду сделан из ветвей дерева, подле которого расцветал папоротник? Он вспомнил историю, рассказанную Жасмин, про заколдованную деву, болото и отважного юношу, который предпочёл не верить себе, но всё же не смог пойти наперекор сердцу.

Это отвлекло его от новых навязчивых вопросов. Неужели рассказы пчёл и Лесной Царевны правдивы? Вдруг ему не удастся вызволить Жасмин?

Он успокаивал себя тем, что раз есть кой-какие параллели между их жизнью и древней легендой, и раз у славного Армана всё получилось, то у него и подавно. Но первый вопрос так и оставался без ответа. Как бы там ни было, он невольно,

скрепя сердце, наконец-то, признался самому себе: он идёт за Жасмин не только из чувства благодарности и благородного товарищества.

После болезни, когда к нему в комнату частенько заглядывала сама госпожа Смерть, он разучился дрожать перед ней и перед будущим, которое частенько пугает именно по её вине. Сейчас же он, переживший три кораблекрушения, исхитрившийся в иные минуты преодолевать врождённые покорность и робость, вновь терялся перед неизвестностью.

На секунду молодой человек застыл перед воротами, скрывающими от всего мира сокровища Леля, а потом со всей силы, на какую был способен, распахнул их.

Вместо прекрасного сада замок окружала миниатюрная копия ада. Волны кипящей лавы разбивались о каменные стены. Огромные змеи невиданным образом ползали по её поверхности. На сгоревших деревьях выгибались скелеты невиданных чудовищ. Неожиданно, возле самого входа в замок, на поверхность вырвался огромный монстр, напоминающий смесь варана, крокодила, акулы и стервятника, превосходящий размером всех обитающих на Земле рептилий. Клацая зубами, он захватил своими лапами нескольких змей и начал их есть. Их туловища извивались в его пасти. Некоторые из них монстр кусал и с остервенением выплевывал на землю.

Сокольничий не мог отвести взгляда от этого пейзажа. Добраться до замка не было ни единого шанса, тем более что

и не было даже самой маленькой тропинки. Он медлил, но вовсе не по той причине, по которой бросились наутёк все прочие герои. Сокольничий просто дождался, когда самый опасный монстр опять скроется в пучинах лавы и не будет загроживать парадный вход, и тотчас продолжил свой путь. Весь мокрый от напряжения, он гордо поднял голову вверх и посмотрел на башню. Сердце сжалось, и он сделал шаг вперед.

Стоило его ноге коснуться лавы, как она обратилась в сочную траву, змеи – в декоративные, тщательно подстриженные кустарники, деревья – в аккуратные топиарии, скелеты – в застывшую от изумления стражу, а на месте, где было главное чудовище, забил высокий фонтан.

Сокольничий рассмеялся: оказывается, никакой преграды в реальности не существовало, была лишь игра гордого и трусливого разума.

Теперь ничто не могло его остановить. Непокколебимый в своей правоте и уверенный в успехе он вошёл в замок.

Посреди огромного холла стоял перепуганный Лель. Губы его дрожали, он весь сжался:

– А сейчас я обращаю тебя... – наперекор своему замыслу, не желая мириться с проигрышем, Лель выкрикнул, как всегда, корявое заклинание, которое не произвело никакого действия.

Сокольничий оказался ловчее. Он пустил стрелу, и она попала прямо в правое плечо хозяина замка. Тот взвизгнул,

ибо кожа его начала осыпаться как пыль со старого барахла, на которое подул ветер, волосы выпали, а прекрасное тело соохлось. Через несколько секунд вместо самого красивого мужчины на свете появился бьющийся в конвульсиях уродливый циклоп с кривыми конечностями.

Сокольничий кинулся в башню. Он перепрыгивал через ступени, поскользывался, иногда еле-еле передвигался по стенке, затаив дыхание, и взошел на самый верх.

Он со всей силой дёрнул ручку единственной двери на себя. Она с легкостью поддалась. Однако вход преграждала прозрачная глыба льда.

Сквозь неё Сокольничий увидел, как Жасмин с изумлением на лице встала из-за прялки, как с её колен сползли метры алой нити, как в её глазах одновременно отразились испуг и яркое, огромное, как палящее Солнце, счастье.

Она нерешительно подошла к глыбе, отпрянула, а потом вновь приблизилась. Она молчала и словно прятала от него свой взгляд. Он не ожидал, что сам так сильно растеряется, и не знал, что же дальше делать.

Они смотрели друг на друга и, казалось, вот-вот превратятся в ледяные скульптуры. Вдруг ей стало страшно, как никогда в жизни. Она была готова закричать от отчаяния. Это было опаснее, чем встреча с болотной колдуньей, отвратительнее, чем змея, извлечённая из её груди волшебницей страны облаков, большее гнусных комментариев горе-спасителей и мерзче плена у Леля. Перед ней был тот, о ком она

так долго мечтала и кого так долго ждала, но до него было не дотянуться.

Она коснулась руками льдины, и ладони словно впечатались в неё. Он помедлил, как будто обдумывая, не слишком ли дерзко ведёт себя, и приложил свои ладони. Ни один не мог отвести взгляд от другого. Они изучали каждую чёрточку, каждую морщинку, родинку на таком знакомом лице, их пальцы сами собой инстинктивно переплелись друг с другом. Между ними больше не было льда. Сокольничий смущённо отвёл взгляд, а еще через миг крепко обнял Жасмин. Он прижал её к себе со всей силы, старясь укрыть от всех невзгод, а она прильнула к нему, смутно надеясь, что он никогда не отпустит.

Усилием воли Сокольничий отпрянул и с деланным безразличием, пробормотал:

– Пойдём отсюда поскорее.

Жасмин покорно кивнула и, захватив на всякий случай нить, последовала за ним.

Спустившись вниз, они застали мечущегося по залу Леля, выкрикивающего непонятные ругательства. Заметив княжну и Сокольничего, он застыл, а потом жалобно заскулил.

– Давай свяжем его нитью, чтобы он себя не покалечил, и позовём его жён? – предложила Жасмин.

Они насилу замотали циклопа в тугой кокон и уложили на пол. Тем временем на шум сбежались его жёны. Признав в уродце мужняка, они завизжали от радости и бросились на-

граждать его тумачами, пинками и осыпать оскорблениями. Княжна возмутилась:

– Как вам не стыдно? Что же вы набросились на него сейчас? Раньше он вас вполне устраивал. Лучше позовите к нему лекаря, а потом разбирайтесь сколько душе угодно.

– Жасмин, пошли скорее из этого дурдома, – шепнул Сокольничий, взял её за руку и повёл за собой.

Они крикнули стражникам, что их хозяин нуждается в лечении, и выбежали из сада. Когда они зашли в лес, навстречу выехал всадник в сверкающих доспехах. Он свысока глянул на Сокольничего и княжну. Задержав на девушке взгляд, герой вздрогнул и пробубнил: «Если эта девушка настолько прекрасна, то как же выглядит та хвалёная княжна, наложница Леля?»

Сокольничий дёрнулся, чтобы потребовать извинений у хама, но Жасмин опередила его, наивно спросив:

– Вы ищете башню Леля?

– Да.

– Вам туда, – махнула она рукой, – удачи!

Когда он скрылся, Сокольничий закричал:

– Почему ты не дала мне проучить этого мерзавца? Какое право он имеет так говорить о тебе?

– Ему не помешает пообщаться с бешеными жёнами Леля. Знаешь, сколько таких подъезжало к этой ограде, вривалось внутрь, а потом улепётывало, выкрикивая незаслуженные оскорбления в мою сторону? Да и сейчас слышал?

– Но ведь это неправда, Жасмин! Я вижу, знаю и чувствую, что все истории про тебя и Леля – грязные выдумки, – произнес Сокольникович на одном дыхании.

– Значит, ты мне веришь?

– Я слишком хорошо тебя знаю, – затем, чуть помедлив, добавил. – Жасмин, я хочу сказать тебе одну вещь...

Девушка встрепелась: неужели сердце всё же не обманывало?

– Мне известно, что за твоё освобождение обещана награда. Мне она вовсе не нужна.

От этих достойных слов Жасмин стало очень больно.

– Я не сомневаюсь, что ты сделал это из чистой благодарности, – с издёвкой сказала она.

Сокольникович склонил голову на бок и загадочно улыбнулся. Все многолетние блуждания привели к давнему ответу, который знали оба.

– Я, конечно, тебе благодарен, но главная причина, почему я здесь, заключена в другом. Я только хотел вызволить тебя, а уж как дальше быть – не знаю...

– Не знаешь... – обречённо отозвалась девушка и сжалась, ожидая очередную фразу.

Молодой человек не стал ничего ей говорить, а вновь привлёк к себе. Она приоткрыла рот в недоумении и хотела поинтересоваться, что он такое задумал. Не имея ни малейшего желания затевать спор, который явно назревал, Сокольникович поцеловал её...

– Ты вольна поступать, как хочешь, – сказал он, когда у них наконец-то хватило сил оторваться друг от друга.

– Ты меня прогоняешь?

– Нет, но я ведь не князь, да и не первый красавец. Вряд ли княжне придётся по вкусу жизнь на водяной мельнице.

– Не знаю, но мельник ей явно по душе...

Яркий блик радуги всегда виден возле проворного колеса небольшой водяной мельницы. Да и радостный смех здесь почти не умолкает. Особенно вечерами, когда, уложив детишек спать, мельник и его жена выходят посмотреть на небо да вспомнить волшебницу из страны облаков.

И, пожалуй, нет во всем княжестве, да и в ближайшей округе, пары более ладной и прекрасной, чем бывший сокольничий и бывшая княжна. Хотя, наверное, теперь их лучше называть – Лавр и Жасмин.

Санкт-Петербург, сентябрь 2015 – июль 2016